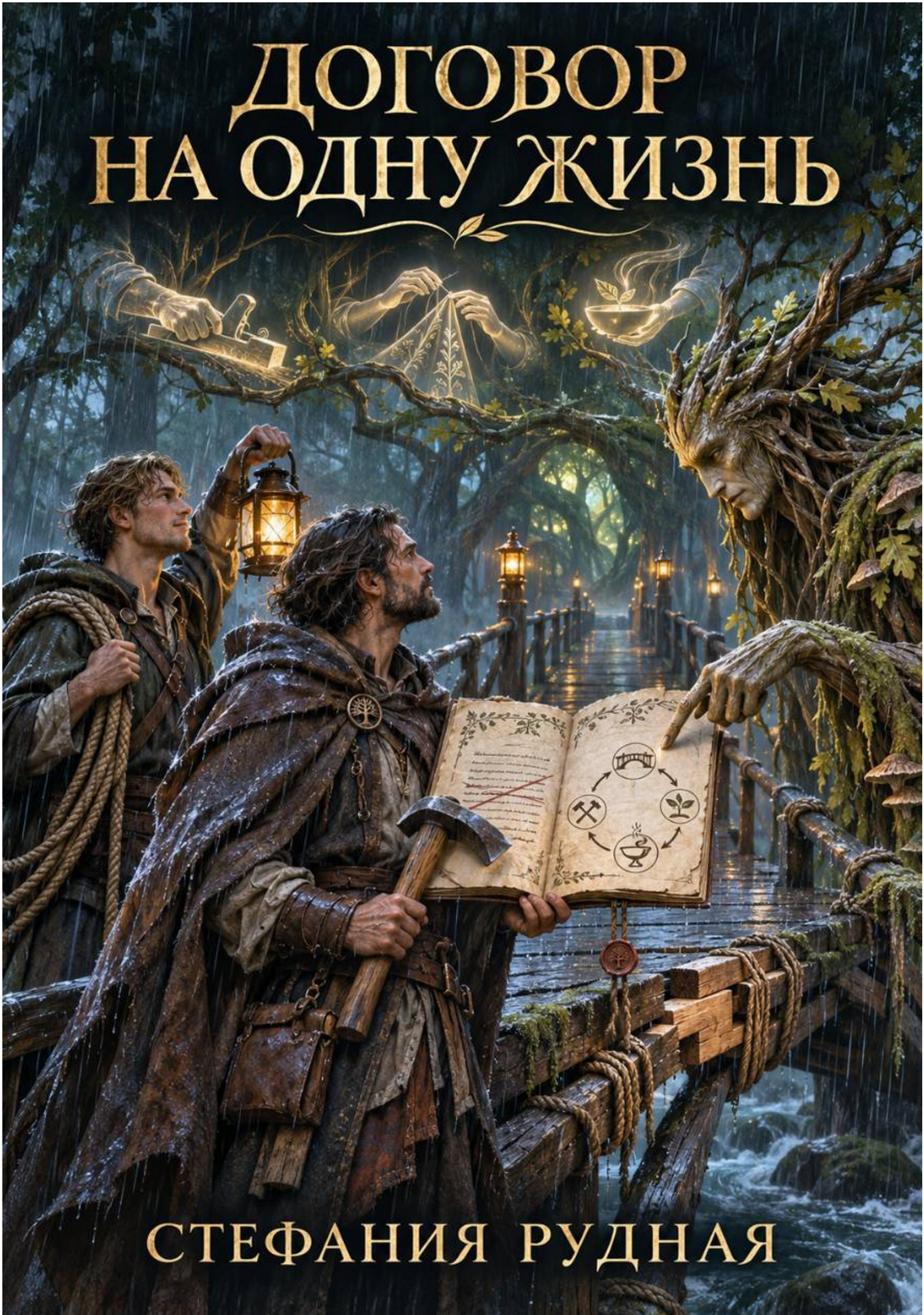
ДОГОВОР НА ОДНУ ЖИЗНЬ

СТЕФАНИЯ РУДНАЯ

Стефания Рудная

Договор на одну жизнь

«Автор»
2026

Рудная С.

Договор на одну жизнь / С. Рудная — «Автор», 2026

Смотритель Левор Нежин всю жизнь охраняет мост между двумя княжествами. За мостом начинается Заворот — лес, который возвращает заблудившихся только в обмен на настоящее умение. Когда там исчезает свадебный обоз из тридцати человек, каждая спасённая жизнь оставляет кого-то без ремесла, а старый договор выбирает следующей платой Саяна, взрослого ученика Левора.Договор нельзя сжечь или расторгнуть. Его можно лишь целиком переписать на другую сторону, добровольно приняв все последствия. Чтобы освободить Саяна, Левору придётся отказаться не только от собственного мастерства, но и от привычки решать за других — и построить такую службу, которая переживёт смотрителя, не присвоив ни одной человеческой жизни.

© Рудная С., 2026
© Автор, 2026

Содержание

От автора 5
Глава 1. Пустой въезд 6
Глава 2. То, что умеешь 13
Глава 3. Двенадцать дней 20
Глава 4. Ученик на строке 27
Глава 5. Два княжества 36
Глава 6. Плата лекаря 45
Глава 7. Мост без воды 54
Глава 8. Список даров 60
Конец ознакомительного фрагмента. 62

Стефания Рудная
Договор на одну жизнь

От автора

Мы часто называем человека незаменимым, будто это похвала. Но за похвалой легко спрятать ловушку: если без одного мастера рушится мост, значит, мастер не только силён — значит, знание вокруг него устроено плохо. Ему нельзя заболеть, уйти, передумать или позволить ученику стать другим.

Эта история — о цене умения. Не отвлечённого дара, а памяти рук: как читать воду, держать тесло, вправлять сустав, шить мокрую ткань. В лесу Заворот такое умение можно отдать ради чужой жизни. Отдавший помнит всё, чему учился, но тело больше не слушается. Поэтому добрый поступок здесь не заканчивается спасением: после него нужно жить, зарабатывать, просить помощи и заново решать, кто ты без привычного мастерства.

Ещё это история о наставнике и взрослом ученике. Любовь к тому, кого учишь, не даёт права распорядиться его будущим, даже ради общего блага. Иногда передать ремесло означает не выбрать продолжателя, а построить место, где знание не станет пожизненным долгом одного человека.

Глава 1. Пустой въезд

К рассвету Вырь поднялась на три пальца и принесла под Межевой мост целую сосну.

Левор Нежин услышал её раньше, чем увидел. Ствол глухо бился о третью сваю, отходил на длину ветвей и снова наваливался, будто упрямый гость, которому не открывали дверь. В караулке дребезжала жестяная кружка. За стеной храпел Саян, хотя ещё с вечера обещал встать первым.

Левор натянул сапоги, взял багор и вышел под дождь. Небо над Лаунским берегом только начинало сереть. На ретвинской стороне лес стоял чёрной стеной, и ни одна ветка не качалась, хотя над рекой ветер рвал воду на косые полосы.

— Подъём, — сказал Левор, не оборачиваясь.

Из караулки донёсся удар, затем ругань. Саян появился на крыльце уже в сапогах, но с рубахой, застёгнутой мимо петель. В двадцать семь лет можно было бы научиться просыпаться без драки с собственной одеждой. Левор говорил ему это девятый год и всякий раз получал новый довод, почему сегодня случай особый.

— Я не спал, — заявил Саян.

— Тогда во сне ты храпишь тише.

Они спустились по мокрой лестнице к служебному настилу. Сосна застряла развилкой в раскосах. Если оставить её до полудня, течение натолкает сверху веток, потом принесёт ещё ствол, и под мостом вырастет плотина. Тогда вода пойдёт через береговую дорогу, а княжеские писцы непременно назовут это непредвиденным бедствием. Писцы любили бедствия, которые можно было занести в чистую ведомость.

Саян закрепил верёвку на поясе и полез на нижнюю балку. Левор удерживал конец, чувствуя через пеньковое волокно каждый рывок. Ученик двигался уверенно: не спешил, ставил каблук поперёк скользкой древесины, проверял опору до переноса веса. Когда-то Левор учил его не смотреть вниз. Теперь Саян смотрел куда хотел и всё равно не оступался.

— Правее багор, — сказал он.

— Вижу.

— Тогда почему держите левее?

— Чтобы ты спросил.

Саян фыркнул. Они поддели сосну одновременно. Течение ухватило освобождённую верхушку, развернуло ствол, ветки хлестнули по настилу. Верёвка дёрнулась так, что Левор проехал каблуками по доскам, но удержал. Сосна выскользнула из раскосов и поплыла к югу, медленно вращаясь в серой воде.

Саян поднялся наверх, выжимая рукав.

— Ещё немного, и свадебный обоз получил бы плотину вместо моста.

— Обозу плотина привычнее. На ней тоже много нарядных людей стоят и мешают работать.

Сегодня через Межевой мост должна была пройти невеста княжеского племянника из Ретвы в Лаун. Сама свадьба намечалась через двенадцать дней, но обоз вёз сундуки, ткани, посуду, подарочных лошадей и столько придворных, что тем требовалось заранее разместиться и начать спорить о местах. За последние две недели Левору пришло четыре письма. В первом просили проверить мост. Во втором требовали украсить его. В третьем запрещали украшать ретвинскими цветами лаунскую половину. Четвёртое уточняло, какие именно оттенки белого допустимы на пограничных столбах.

Левор использовал письма для растопки, но мост проверил.

Он прошёл весь пролёт, простукивая теслом перила и настил. Межевой мост был не особенно красив: шесть быков из серого камня, пять деревянных пролётов под высокой кры-

шей, сторожевые ворота на обоих концах. Весной его заливало брызгами, зимой ломало льдом, летом доски рассыхались и начинали петь под телегами. Левор знал каждую ноту. Вот здесь коротко отзывалась новая дубовая плашка. Там подгнивало гнездо, которое они заменят после свадебной суеты. Посередине, под резным знаком двух княжеств, молчала тёмная доска старого договора. Её не брали ни топор, ни вода, ни древоточец.

Саян шёл следом с ведром смолы и отмечал мелом щели.

— Южная стойка снова мокнет изнутри, — сказал он.

— Вчера была сухой.

— Вчера дождь шёл с Ретвы. Сегодня с Лауна.

Левор прижал ладонь к стойке. Холодная влага проступала у шипа тонкой тёмной каймой.

— Сними накладку после обоза.

— Я говорил снять её три дня назад.

— Ты говорил заменить всю стойку.

— Потому что накладку ставили вы.

— Поэтому мост ещё стоит.

— Поэтому он боится признаться, где болит.

Левор посмотрел на ученика. Саян улыбался, но уже занёс замечание в рабочую книжку. Почерк у него был угловатый, зато записи точные: день, погода, место, что услышал, что увидел. Левор когда-то держал всё в голове. Отец держал всё в голове. Это считалось достоинством, пока после смерти отца Левору не пришлось полгода разбирать мост по звуку и догадке.

— После обоза, — повторил он.

Саян кивнул. Спор он не проиграл, а отложил.

К восьми утра дождь стал мельче. На лаунской дороге появились первые возы: бочар с пустыми обручами, две торговки солью, углежог на мохнатой кобыле. Левор пропускал их по одному и брал мостовой сбор. С ретвинской стороны никто не ехал.

Это само по себе ничего не значило. До ближайшего селения там было четыре часа пути, и дорога на последней версте проходила через край Заворота. Обычная дорога, если не сходить с насыпи, не сворачивать на зов и не пытаться срезать путь. По обочинам стояли белёные камни. Между ними натягивали верёвку с медными бляшками. Даже ребёнок мог пройти безопасно, если слушал взрослых, а взрослый — если не считал себя умнее леса.

К девяти Саян достал из караулки праздничные ленты. Белые полагалось привязать к въездной арке, зелёные — к перилам до середины, синие — после середины. Левор поглядел на кипу ткани и велел оставить всё в корзине.

— Приедут — тогда повесим.

— Наместничий распорядитель велел украсить заранее.

— Пусть приезжает заранее и украшает.

— А если обоз увидит голый мост?

— Значит, догадается, что мост деревянный.

Саян сел на ограждение, достал яблоко и разрезал его ножом. Половину протянул Левору. Тот взял, хотя не хотел показывать, что голоден. За рекой туман полз между первыми деревьями Заворота. Иногда в просвете чудилась дорога. Иногда — человек в светлой одежде. Стоило моргнуть, и оставались только стволы.

— По сроку они уже должны быть здесь, — сказал Саян.

— По сроку свадебный обоз должен опаздывать. Иначе придворные не поверят, что он важный.

— Дорожный гонец вчера сказал: ночуют в Крушах. От Круш до нас три с половиной часа.

— С сундуками — четыре.

— Уже пять.

Левор бросил огрызок в печь. Он и сам считал. В половине шестого обоз должен был выйти. В семь пройти старую мельницу. В восемь пересечь Долгий лог. Оттуда в ясную погоду слышались мостовые колокола, но сегодня дождь глушил звук.

Он поднялся на сторожевую вышку. Ретвинская дорога была пуста до самого поворота. Белёные камни вдоль неё темнели от воды. Медные бляшки висели неподвижно.

В десять из Лауна прибыл распорядитель с четырьмя стражниками и потребовал отчёт о готовности. Он был в жёлтом плаще, который не промокал, и оттого выглядел человеком, договорившимся отдельно с погодой.

— Где ленты? — спросил он вместо приветствия.

— В сухом месте.

— Их надлежит развесить.

— На мокром месте.

Распорядитель прищурился.

— Мастер Нежин, событие имеет государственное значение.

— Поэтому я не завязываю мокрые тряпки на местах, где возницы должны видеть сигналы.

Саян кашлянул в кулак. Распорядитель перевёл взгляд на него, потом на пустую дорогу.

— Обоз задерживается?

— Пока только не прибыл.

— Это и называется задерживается.

— Нет. Задерживается — когда известно, где он задержался.

Жёлтый плащ прошёл в караулку составлять донесение. Стражники остались под навесом. Один спросил, можно ли развести огонь, второй — где отхожее место, третий молча смотрел на Заворот. Четвёртый был слишком молод и делал вид, что лес ему не интересен.

В половине одиннадцатого за ретвинским поворотом что-то звякнуло.

Все услышали сразу. Молодой стражник вскочил. Саян сбежал с крыльца и заслонил ладонью глаза, хотя солнца не было. Левор вышел на середину дороги.

Сначала показалась белая полоса. Потом из тумана выступила лошадиная голова.

Серая кобыла шла шагом, низко опустив морду. На уздечке висели белые свадебные ленты. Несколько оборвались и тащились по грязи. Седла не было; только нарядная попона, сбившаяся набок, и пустое место между ремнями, где полагалось крепить дорожный короб. На правом боку темнела полоса пота. В левом стремени — его зачем-то оставили на подпруге — застряла еловая веточка.

Левор поднял руку, не позволяя людям броситься навстречу. Кобыла прошла между белёными камнями, ступила на предмостный настил и остановилась перед ним. Глаза у неё были закатаны, ноздри дрожали.

— Тихо, — сказал Левор.

Он не тянулся к узде, пока кобыла не узнала человеческий голос. Потом подставил ладонь. Она ткнулась мокрыми губами и тяжело выдохнула.

Саян подошёл сбоку.

— Это передовая лошадь?

— Нет. Верховая.

Под попоной нашлось клеймо ретвинской княжеской конюшни. На шейном ремне — серебряная бирка с именем: ЛАСКА. Левор провёл пальцами по ногам. Ни свежей крови, ни сломанной кости. Подковы целы. На задней левой застрял ком рыжей глины, какой не было на мостовой дороге. Такая глина лежала глубже в Завороте, за Оленьим ручьём.

Саян увидел её одновременно с ним.

— Они съехали с насыпи.

— Или лошадь съехала.

— Одна?

Левор осмотрел повод. Кожаный ремень не порвался — его развязали. Узел был дорожный, двойной, и распустили его пальцами, не рванув. На белой ленте остался бурый след ладони.

Распорядитель выскочил из караулки.

— Чья это лошадь?

— Пока лошадиная.

— Я вижу клеймо! Она из обоза. Где госпожа Вея?

Левор поднял ладонь. Не для тишины — чтобы распорядитель не подошёл к кобыле и не затоптал следы. От копыт Ласки тянулась редкая цепочка грязи. Она вошла на дорогу не из-за поворота, а вышла между третьим и четвёртым белёными камнями, прямо из леса. Медная верёвка в том месте была цела. Ни примятой травы, ни сломанной ветки.

Из Заворота нельзя было выйти там, где человек хотел. Лес выпускал там, где ему было удобнее продолжить разговор.

— Саян, закрой ретвинские ворота.

Ученик уже шёл к воротному вороту.

— Что значит закрыть? — спросил распорядитель.

— Значит, поперёк дороги будет лежать брус.

— Я понимаю устройство ворот. По какому праву вы перекрываете государственную границу?

— По мостовому.

— Обоз может появиться с минуты на минуту.

— Тогда откроем для обоза.

— А остальные?

— Подождут.

Левор повернулся к стражникам.

— Уведите людей с настила. Никого в лес не пускать. Кто услышит знакомый голос с ретвинской стороны, отвечает только человеку, которого видит обеими глазами. Не зовёт по имени. За белёные камни не выходит.

Молодой стражник перестал делать вид, что ему не страшно.

Распорядитель схватил Левора за рукав.

— Вы обязаны немедленно послать поисковый отряд.

— Обязан закрыть дорогу, чтобы к пропавшим не добавились поисковики.

— Там будущая родственница князя.

— В лесу родство считают плохо.

— Я приказываю моим людям войти.

— Прикажите. Потом назовёте семь ремёсел, которыми заплатите за их выход.

Рука на рукаве разжалась.

О Завороте знали на обоих берегах, но знание у людей было удобное. Пока дорога лежала ровно и медные бляшки звенели на ветру, лес считался старой страшилкой, полезной для детей и сборщиков пошлины. Когда из него выходила пустая лошадь, все внезапно вспоминали цену.

Саян опустил брус и продел в скобы два железных пальца. Потом взял сигнальный фонарь, хотя был день, и зажёг внутри зелёную свечу.

— Иду с вами, — сказал он.

— Нет.

— Вы ещё не знаете, куда.

— Поэтому и нет.

— На двоих лесу труднее подменить след.

— На двоих лес назовёт две цены.

Саян поставил фонарь на землю.

— Вы учили меня ходить в Заворот девять лет.

— Я учил тебя выходить.

— Разница сейчас полезная только для спора.

Левор подтянул ремень тесла. Он мог приказать. Саян послушался бы при людях, а затем нашёл бы способ войти следом. Не потому, что был непослушным мальчишкой. Мальчишки перерастают непослушание или делают из него профессию. Саян был взрослым мастером без собственного моста и слишком давно считал чужую опасность частью своей работы.

— Дойдёшь до третьего камня, — сказал Левор. — Останешься у верёвки. Если я не вернусь до полуденного колокола, никого за мной не ведёшь. Отправляешь гонцов в Круши и на обе заставы.

— До третьего камня — это не «идти с вами».

— Именно поэтому я согласился.

Саян сжал губы, но поднял фонарь.

Они прошли вдоль обочины к месту, где появилась Ласка. Левор нёс багор, короткую верёвку, тесло и мешочек мела. Саян — фонарь и дорожный колоколец. У третьего камня он остановился. Дальше медная верёвка провисала между столбиками, блестя от дождя.

Левор перешагнул её.

Заворот встретил его запахом мокрой коры. Шум реки остался за спиной, хотя до Выря было меньше сотни шагов. Капли падали с листьев медленно и раздельно. Земля под сапогами пружинила. Рыжая глина на следе Ласки тянулась между елями, но отпечатки смотрели в обе стороны: одна и та же подкова будто шла из леса и возвращалась в него.

Левор присел. На низкой ветке висела нитка белого шёлка. Чуть дальше — ещё одна. Он поставил мелом черту на стволе, хотя знал: если лес захочет, черта окажется на другом дереве.

— Вижу вас, — сказал Саян с дороги.

— Не разговаривай без нужды.

— Это было нужно мне.

Левор прошёл глубже. Между елями показалась колея. В ней лежала серебряная пуговица, затоптанная каблуком. Затем он увидел сломанный бич и кусок красной краски с колёсного обода. Обоз был здесь. Не отдельная лошадь, не испуганный всадник. Телеги свернули с прямой дороги все вместе.

Почему — Заворот пока не показывал.

Впереди белело платье.

Левор остановился так резко, что рукоять тесла ударила в бедро. Человек лежал у корней старой ольхи лицом вниз. Белая ткань закрывала ноги, на спине темнел мокрый жилет. Невеста так не одевалась. Возница или дорожный слуга.

— Слышишь меня? — спросил Левор.

Лежащий шевельнул рукой.

Левор сделал шаг, и лес между ними вытянулся. Ольха отдалилась, хотя оставалась прежнего размера. Он сделал второй шаг — земля мягко повела вправо. За спиной звякнул дорожный колоколец Саяна, один раз, как было условлено. Связь ещё держалась.

У ольхи что-то поднялось.

Сначала Левор принял это за корень. Потом корень распрямился и оказался ногой, обёрнутой берестой. Из мха выросло узкое тело. Плечи его были сложены из сучьев, пальцы — из тонких белых корешков, а лицо напоминало свежий срез пня: светлая древесина, тёмные круги, трещина вместо рта. На голове шевелились листья, хотя воздух в лесу стоял.

Коренник посмотрел на Левора глазами, похожими на два глубоких сучка.

— Смотритель пришёл, — сказал он.

Голос прозвучал сразу в нескольких стволах. Левор почувствовал его подошвами.

— Пришёл за людьми.

— За одним.

— За всеми, кто сошёл с дороги.

— За одним сейчас.

Левор посмотрел на человека у ольхи. Тот снова пошевелился, попробовал поднять голову и не смог.

— Сколько их у тебя?

Коренник наклонил голову. По шее пробежал жук.

— Ты спросил о цене одного.

— Я спросил, сколько людей вошло.

— Вошедшие не равны оставшимся. Оставшиеся не равны заблудившимся. Заблудившиеся не равны тем, кого ищут. Назови вопрос точнее.

Левор стиснул рукоять багра. С Коренником нельзя было говорить широко. Отец учил: каждое лишнее слово дух считает предложением, каждую неточность — подарком.

— Сколько живых людей из свадебного обоза сейчас находится в Завороте и не может по собственной воле выйти на Межевую дорогу?

Трещина на лице духа раскрылась.

— Тридцать один.

Число оказалось хуже, чем Левор ожидал. Он видел перед собой восемь телег и не меньше двадцати верховых в дорожном списке, но надеялся, что часть обоза отстала в Крушах.

— Выведи их.

— Вывожу одного за одно умение.

— Они вошли с дороги, которую охраняет договор.

— Договор охраняет мост. Лес возвращает заблудившихся.

— Они не могли свернуть все разом без твоей воли.

— Могли. Сделали. Причина не спрашивалась.

Левор взглянул на следы. Коренник не лгал. Это не значило, что он говорил всё.

— Этот человек, — Левор указал на лежащего, — что нужно отдать за него?

Дух подошёл ближе. Шагов не было: корни уходили в землю и появлялись впереди. От него пахло сырой стружкой.

— Умение вывести человека из места, где дорога стала неверной.

— Моё умение?

— Умение того, кто отдаёт.

— Как ты проверишь?

— Ты покажешь.

— А после?

— Он выйдет. Ты не сумеешь больше того, что отдал.

Человек у ольхи застонал. Не громко. Обыкновенно. Так стонут от боли люди, которые ещё не знают, что их жизнь обсуждают рядом как условие сделки.

Левор умел выводить из Заворота. Учил этому Саяна, водил лесорубов, искал детей, однажды вынес на спине пьяного сборщика грибов, который уверял, что лес переставляет восток. Отдать это умение означало никогда больше не войти за потерявшимися. На мосту остался бы смотритель, неспособный исполнять половину своей работы.

— Нет, — сказал он. — Назови другое умение.

— Я назвал подходящее.

— Подходящих бывает несколько.

Листья на голове Коренника тихо зашелестели. Дух не любил, когда люди помнили формулировки лучше, чем ему было удобно.

— Бывает, — согласился он.

— Я вернусь с платой.

— Ты уже пришёл с ней.

За спиной дважды звякнул колоколец.

Сигнал опасности.

Левор обернулся. Между деревьями ещё виднелся зелёный огонь Саянова фонаря, но теперь он был не у дороги. Он горел глубже в лесу, шагах в двадцати левее, и медленно удалялся.

— Саян! — крикнул Левор.

Ответ пришёл справа:

— Я у камня!

Левор не двинулся к огню. Поднял багор и пятился на голос, не выпуская Коренника из виду.

— До полудня, — сказал дух. — Потом один станет дальше.

— Дальше от чего?

— От умения, которое его выведет.

Левор перешагнул медную верёвку и только тогда позволил себе вдохнуть полной грудью. Шум Выря вернулся сразу. Саян стоял у третьего камня, бледный и злой, с настоящим фонарём в руке.

— Я видел, как вы пошли за моим светом, — сказал он.

— Не пошёл.

— Почти.

— Почти в лесу не считают.

Левор посмотрел на небо. До полуденного колокола оставалось меньше часа. За воротами спорили распорядитель и задержанные возчики. Ласка ржала под навесом. Где-то среди деревьев лежал живой человек, и ещё тридцать ждали своей очереди стать дальше.

— Что он запросил? — спросил Саян.

Левор снял с пояса мешочек мела и обнаружил, что пальцы дрожат. Он сжал их вокруг ткани.

— Не то, что получит.

— Это не ответ.

— Пока — весь ответ.

Он пошёл к мосту, перебирая собственные умения одно за другим. Кореннику требовалось не знание и не обещание. Требовалось то, что руки действительно могли сделать и без чего после придётся жить.

Впервые за тридцать лет службы Левор смотрел на своё ремесло не как на набор обязанностей, а как на тридцать один возможный выкуп.

Глава 2. То, что умеешь

До полудня оставалось сорок семь минут, и каждое умение Левора оказывалось либо слишком большим, либо бесполезным.

Он разложил на верстаке предметы, как инструменты перед починкой: тесло, моток просмолённой нити, речную карту, дверной ключ, кусок мела. Вещи не были умениями, но помогали думать руками. С теслом он мог посадить шип без щели. По натяжению нити — выставить прямую на сорок шагов. По карте — назвать старые русла Выря. Ключом — открыть все служебные замки моста, потому что половину сам и сделал. Мелом — отметить путь через Заворот.

Последнее Коренник уже запросил.

— Вы собираетесь торговаться с лесом до смерти возницы? — спросил распорядитель.

Он стоял у двери караулки и не решался войти без приглашения. Жёлтый плащ потемнел на плечах: даже его отдельная договорённость с дождём кончилась.

— Собираюсь вытащить возницу так, чтобы завтра было кому вытаскивать остальных.

— У вас есть ученики.

— Один.

— Значит, служба не останется без человека.

Левор поднял голову.

— У вас тоже есть писарь. Отдайте умение читать, служба не останется без человека.

Распорядитель поджал рот и вышел.

Саян сидел напротив, положив локти на колени. После возвращения Левора он не задавал лишних вопросов. Это молчание было хуже спора: ученик понял цену и теперь ждал, какую часть их общей работы мастер решит отрезать.

— Узлы, — сказал Саян. — Вы умеете вязать петлю, которая развязывается под грузом после трёх рывков.

— Возницу выводит не петля.

— Но она может понадобиться, чтобы вывести.

— Тогда лес заберёт умение вязать именно её. А если решит, что недостаточно, мы потратим время на доказательство.

— Чинить колесо.

— У лежащего нет телеги.

— Мы не знаем.

— Коренник знает.

Левор провёл пальцем по речной карте. Синяя линия Выря была нанесена ровно и лживо. Настоящая река каждую весну переписывала себя. За зиму намывала косу, летом выгрызала берег, после большого ливня открывала проход там, где вчера лодку посадило бы на камни. Карта помогала помнить названия, но не вести судно.

Он посмотрел в окно. Вода под мостом была бурой. Чуть ниже третьего быка течение раздваивалось вокруг невидимой отмели. Один рукав казался спокойнее, однако под гладью лежала гряда. Другой рябил и пенился, зато был глубоким. Левор видел это так же ясно, как щель в плохо посаженном соединении.

— Речные отмели, — сказал он.

Саян проследил его взгляд.

— Нет.

— Ты предложил выбирать.

— Я предложил узлы и колесо.

— Возница лежит у ольхи. За ней мокрая низина. Если Заворот отдаст его не у дороги, придётся переходить воду.

— Вы не знаете этого.

— Зато это знает лес. Умение подходит: вывести человека там, где вода скрывает дорогу.

Саян встал.

— Вы читаете Вырь лучше любого лодочника на двух берегах.

— Поэтому Коренник примет.

— Поэтому нельзя отдавать.

— Что предлагаешь отдать ты?

Саян умолк.

Вопрос вышел жестоким, и Левор пожалел о нём сразу. Но забирать слова было поздно. Ученик посмотрел на свои руки: длинные пальцы, шрам поперёк правой ладони, смола под ногтями. Он умел ставить опоры, править железо, плести канаты, водить телегу по размокшей колее. Почти всё этому научил Левор. Любое подходящее умение было частью будущего Саяна, а не мелкой монетой из чужого кармана.

— Я отдам, если моё подойдёт лучше, — сказал Саян.

— Сегодня нет.

— Потому что вы мастер?

— Потому что я вошёл и начал разговор.

— Удобное правило.

— Других пока нет.

На мосту ударили в малый колокол. Не полдень — знак, что у закрытых ворот собрались люди. Ругались возчики, мычал скот. Левор свернул карту и сунул за пазуху.

— Возьми лодочную верёвку, две жерди и покрывало. Дойдёшь до третьего камня.

— На этот раз дальше.

— На этот раз — до верёвки. Если Коренник выведет нас через воду, будешь ждать там, где вода коснётся дороги.

— Вы опять ставите меня там, откуда видно только ваш затылок.

— Затылок живого мастера полезнее красивых похорон.

Саян выдернул из сундука покрывало резче, чем требовалось. Но пошёл готовиться.

Левор задержался у тёмной договорной доски под крышей моста. Буквы на ней были неглубокие, вырезанные старым прямым резцом. Отец заставил его выучить первые строки ещё мальчиком: мост держит дорогу, смотритель держит мост, лес держит заблудившихся до названной платы. Дальше текст уходил под железную накладку. Так было всегда. Никто не снимал её без причины, а причин за тридцать лет не находилось.

Левор коснулся дерева.

— Чтение реки, — произнёс он. — За одного живого человека.

Доска осталась холодной. Договор не принимал решений за лес. Он только помнил их.

У ретвинских ворот собрались две телеги, всадник и стадо из семи коз. Левор объявил, что до выяснения судьбы обоза проход закрыт. Всадник потребовал назвать закон. Козы отнеслись к новости спокойнее и начали есть праздничные ленты из корзины.

Распорядитель отправил двух стражников в Круши. Ещё двоих поставил у ворот. Молодой нёс караул слишком старательно и вздрагивал от всякого шороха.

— Если вернётся ещё одна лошадь, — сказал ему Левор, — не хватай повод сразу. Дай выйти полностью.

— А если выйдет человек?

— Спроси имя, откуда идёт и что видел последним. Не называй ему ничьих имён.

— А если это будет госпожа Вея?

— У неё тоже есть имя, откуда она идёт и последние воспоминания.

Молодой кивнул, будто получил задачу удержать войско.

До третьего камня Левор и Саян дошли рядом. Дождь почти прекратился, однако с веток продолжало лить. Рыжая глина в следах Ласки расползлась по дороге. Зелёный фонарь Саян держал незажжённым.

— Если увидите мой свет, — сказал он, — сначала посмотрите на меня.

— Если увижу твой свет, ты получишь по голове за то, что зажёг его без команды.

— Это тоже способ проверки.

Левор перешагнул медную верёвку. На этот раз Заворот не прятал след. Белые нити на ветках тянулись к ольхе, и лежащий человек был виден издалека. Коренник стоял рядом, положив корневую ладонь ему на спину.

— Осталось двадцать три минуты, — сказал дух.

— Ты считаешь наши колокола?

— Я считаю, как далеко он уходит.

Левор подошёл настолько, насколько позволил лес. Между ним и ольхой оставалось шагов десять, но воздух там дрожал, как над жаркой плитой.

— Я отдаю умение без ошибки находить безопасный проход через речные отмели, — сказал он. — За выход этого живого человека из Заворота к Межевой дороге.

Коренник повернул лицо-срез.

— Покажи.

Земля под ногами Левора провалилась.

Он успел ухватиться за ветку, но та стала скользким канатом водоросли. Холодная вода ударила выше колен. Лес исчез; вокруг лежала широкая речная мель, затянутая туманом. Ольха торчала посреди потока, и у корней по-прежнему лежал возница. Коренник стоял на воде, едва прогибая её поверхность.

За спиной Саян крикнул что-то. Голос пришёл сверху, как с далёкого берега.

Левор не удивился. Доказательство должно было быть делом. Он снял тесло, поднял над головой и вошёл глубже.

Вода была ненастоящей и всё же старалась сбить его по-настоящему. Он видел бугорки течения, мелкую встречную рябь, длинные полосы пены. Под мутной поверхностью угадывались камни и песчаные языки. Прямой путь к ольхе шёл через яму. Нужно было взять левее, против течения, обогнуть тёмную полосу, потом перейти наискось там, где вода дробилась короткой чешуёй.

Левор выбрал место для первого шага жердью багра. Дно держало. Второй шаг. Третий.

Каждое движение отзывалось памятью: весенние переправы с отцом, первая лодка, которую он посадил на мель в четырнадцать лет, зимние промеры подо льдом. Умение не было одной мыслью. Оно состояло из тысяч замеченных мелочей, ошибок, холода в сапогах, сорванных ладоней. Коренник хотел не сведения о воде. Он хотел связь между глазом, ногой и решением.

На середине течение толкнуло сильнее. Левор поставил багор справа и повернул корпус, пропуская удар мимо. Вода поднялась до пояса. До ольхи оставалось пять шагов.

— Достаточно, — произнёс Коренник.

— Сначала выведи человека.

— Сначала отдай.

— Мы договорились за выход.

— Выход начнётся после платы.

— А закончится где?

Дух указал на медную верёвку, видневшуюся сквозь туман.

— На Межевой дороге.

— Живым.

— Он жив сейчас.

— Живым на дороге.

Коренник молчал. Круги на его лице будто сдвигались медленно, год за годом.

— Живым на дороге, — повторил он.

Левор протянул правую руку.

— Берёшь только названное умение. Память о реках, названия мест, способность ходить и видеть остаются моими.

— Ты назвал безошибочный безопасный проход через речные отмели.

— Его и бери.

Коренник прикоснулся к указательному пальцу.

Боли не было. Вначале Левор решил, что дух его обманул или отказался. Потом вода вокруг стала просто водой.

Рябь осталась. Пена двигалась теми же полосами. Тёмные места отличались от светлых. Левор помнил, что каждое из этих различий что-то означает. Он мог перечислить признаки, объяснить их ученику, нарисовать на карте. Но когда посмотрел на путь к ольхе, все признаки перестали складываться в решение.

Левор стоял по пояс в потоке и не знал, куда поставить ногу.

Паника пришла короткая, злая. Он перенёс вес назад — и сразу провалился в яму. Вода ударила в грудь. Багор вырвался, тесло утянуло ремень вниз. Левор захлебнулся, успел подумать, что Саян непременно назовёт смерть наставника убедительным доказательством его правоты, и нащупал носком камень.

Коренник смотрел.

— Я показал умение, — прохрипел Левор. — Теперь твоя часть.

Дух убрал ладонь со спины возницы.

Туман разорвался. Вода ушла в землю с шумом, будто кто-то выдернул пробку из огромной бочки. Левор упал на колени в мокрый мох. Ольха стояла в двух шагах. Возница лежал рядом.

Коренника не было.

— Мастер! — крикнул Саян.

Теперь его голос звучал от дороги. Левор перевернул раненого. Мужчине было лет сорок, волосы слиплись от крови у виска. На белой рубахе виднелась синяя вышивка ретвинской дорожной службы. Дыхание частое, кожа холодная. Левая нога неестественно вывернута, но кость, кажется, цела.

— Слышишь? — Левор похлопал его по щеке.

Глаза открылись.

— Не звоните, — прошептал возница.

— Во что?

— Они свернули на звон. Колокола впереди… а мост был сзади.

Глаза снова закрылись.

Левор просунул руки ему под плечи и потащил к дороге. После трёх шагов ольха снова оказалась впереди.

— Коренник!

Дух ответил шелестом:

— Он вышел из удержания. Дорога ваша.

— Ты обещал Межевую дорогу.

— Он движется к ней живым.

Буквальная тварь оставила последнюю часть работы за ними.

— Саян! Верёвку!

Конец прилетел между стволами и упал справа. Левор привязал его под руками возницы. Взялся сам. Саян натянул верёвку, превращая её в прямую связь с настоящей дорогой.

— Тяну на три! — крикнул он. — Раз! Два! Три!

Левор толкал раненого, Саян тащил. Лес пытался добавить расстояние: корни цепляли сапоги, кусты смыкались, мокрая земля ползла назад. Но верёвка не соглашалась с лесом. Она была определённой длины, закреплённой на дорожном столбе, и на каждый вытянутый локоть становилась короче.

Они пересекли медную границу одновременно. Возница застонал, когда его нога ударилась о камень, и это был хороший звук. Живой на дороге.

Саян опустился рядом, проверил дыхание и зрачки.

— Что отдали?

— Потом.

— Сейчас.

— Чтение отмелей.

Ученик замер. Потом снял с себя куртку и накрыл возницу.

— Полностью?

— Безошибочный проход.

— Это красивее звучит, но не меньше значит.

— Тащи к мосту.

Они сделали носилки из жердей и покрывала. По дороге возница несколько раз приходил в себя. Назвал себя Тавром, старшим в передовой повозке. Повторял про колокола, про белую дорогу между деревьями, про женщину, которая велела всем держаться вместе. На вопрос, жива ли госпожа Вея, отвечал: «Была». На вопрос, сколько времени прошло, говорил: «Один поворот», будто это могло что-то объяснить.

У ворот распорядитель бросился к носилкам.

— Где госпожа?

— В лесу, — сказал Левор.

— Почему вы вывели возницу?

— Потому что он лежал ближе.

— Вы должны были потребовать невесту.

Левор передал переднюю жердь стражнику.

— Коренник не выдаёт людей по должности. И если ещё раз помешаете нести раненого, сами объясните князю, почему его уронили ради вашего вопроса.

Тавра отнесли в караулку. Саян промыл рану, наложил на ногу лубки. Левор отвечал на вопросы коротко и записал главное: тридцать один человек, один выведен, колокольный обман, срок до полудня относился только к первому. Сколько времени лес даст остальным, Коренник не сказал.

Когда Тавр уснул, распорядитель потребовал немедленно ехать в Лаун с донесением. Левор согласился при одном условии: ворота останутся закрыты, а у моста будет вызван лекарь. Жёлтый плащ уехал с двумя стражниками. Второй гонец отправился в Ретву.

Казалось, худшее на сегодня произошло. Затем под мостом закричал человек.

Левор выбежал на настил. Один из задержанных возчиков, не дождавшись открытия, решил переправить товар на плоскодонке. Лодку отвязало течением. Она крутилась ниже второго быка, приближаясь к каменной гряде. В ней стояли двое и нелепо гребли одной доской.

— Бросайте якорь! — крикнул Саян.

— Там мелко! — отозвался возчик. — Протолкнёмся!

Левор перегнулся через перила.

Он видел разницу в цвете воды. Знал, что у гряды старое русло поворачивает к лаунскому берегу. Помнил, где прошлой весной промерял глубину. Но лодка словно лежала на незнако-

мом рисунке. Безопасного пути не было ни слева, ни справа — или был везде. Знание рассыпалось на отдельные факты.

— Куда им? — спросил молодой стражник.

Левор открыл рот.

Ни одного приказа, которому он доверял, не пришло.

Саян уже бежал к нижнему настилу. Он схватил бухту тонкого каната, привязал к концу железный крюк.

— Не на гряду! — крикнул он людям в лодке. — Табань правым! Левый борт к мосту!

Возчики заметались.

Саян бросил крюк. С первого раза не достал. Течение подхватило лодку и развернуло кормой к камням. Со второго крюк зацепился за борт. Канат натянулся. Саян обмотал его вокруг стойки, но лодка рванула так, что верёвка содрала кожу с ладони.

Левор спустился к нему и навалился на свободный конец. Вместе они удержали. Молодой стражник прибежал следом, помог выбрать слабину. Лодку протащило вдоль гряды и вынесло в спокойную воду под берегом.

Возчики выбрались мокрые, испуганные и всё ещё готовые спорить. Саян молча отобрал у них весло.

Левор смотрел на воду. Он помнил, что должен был предвидеть каждое движение лодки. Помнил, как раньше взгляд сам находил проход. Теперь между наблюдением и решением зияло пустое место.

Саян обмотал ладонь тряпицей.

— Вот что вы отдали, — сказал он тихо.

— Вижу.

— Нет. Вы видите воду. То, что отдали, вижу я.

Левор хотел ответить резко, но ученик был прав. Потеря умения оказалась не тишиной внутри, а новым человеком рядом, вынужденным замечать опасность первым.

— Почему повёл их к левому берегу? — спросил Левор.

Саян насторожился, ожидая упрёка.

— Пена у быка уходила влево, а у гряды возвращалась. Между полосами было окно. Узкое, но лодку протащило.

— Течение ниже?

— Сильнее у дна, чем сверху. Крюк держал нос поперёк.

Левор кивнул. Объяснение было верным. Он понимал каждое слово, но повторить выбор не смог бы.

— Запиши, — сказал он.

— Что?

— Всё. Ветер, уровень, цвет, где стояла лодка, куда бросил крюк. И про южную стойку не забудь.

Саян долго смотрел на него, потом достал рабочую книжку.

— После обоза снимем накладку?

— Сегодня.

Это было малое признание, почти смешное рядом с тридцатью людьми в лесу. Но Саян услышал. Он открыл книжку и стал писать, опираясь ею на мокрые перила.

Из караулки донёсся голос Тавра:

— Смотритель!

Левор вернулся к раненому. Тот лежал с открытыми глазами и вцепился в край одеяла.

— Сколько нас вышло?

— Ты один.

— Тогда слушайте. Колокол позвал с дороги. Мы думали, мост впереди. Госпожа Вея велела остановиться, но задние телеги уже свернули. Когда обернулись, насыпи не было. Коренник назвал срок. Сказал, потом договор возьмёт…

Тавр зажмурился и тяжело втянул воздух. Договорить он не успел. Голова свалилась набок, пальцы разжались. Он дышал, но на голос больше не отвечал.

За стеной Вырь билась о сваи. Левор посмотрел на тёмную доску под крышей. Впервые его тревожили не только тридцать оставшихся людей и цена их выхода. Коренник связал пропавший обоз с договором моста, а срок уже шёл — только никто из тех, кто мог назвать его, пока не проснулся.

Глава 3. Двенадцать дней

Тавр пришёл в себя на закате, когда дождь наконец перестал стучать по крыше караулки.

К этому времени у Межевого моста успели собраться все, кого Левор меньше всего хотел видеть одновременно. Из Лауна прискакал лекарский помощник с ящиком, пахнущим уксусом и сушёной мятой. Из Ретвы прибыл десятник в синем плаще, привёз шестерых стражников и приказ отворить ворота для государственных гонцов. Задержанные возчики развели костёр прямо у дорожного столба и варили кашу, громко рассуждая, сколько серебра должен им смотритель за простой. Семь коз доели праздничные ленты и принялись за кору на перилах.

Левор оставил спорящих друг другу и сидел у койки Тавра.

Помощника звали Мелд. Он был молод, сутул и сердился на всякого, кто задавал вопрос прежде, чем он успевал закончить осмотр. Он промыл рану на виске, ощупал шею, велел Тавру следить глазами за пальцем и заставил выпить горькую воду маленькими глотками. Когда возница попытался подняться, Мелд прижал его к тюфяку одной ладонью.

— Нога цела, голова пока под вопросом, — сказал он. — Если снова потеряет сознание, будете молчать и позовёте меня.

— Он должен назвать срок, — ответил Левор.

— А вы должны не дать ему умереть от усердия.

Тавр открыл глаза.

— Двенадцать дней.

Голос был слабым, но слова он выговорил ясно.

Левор наклонился ближе.

— От какого часа?

— От первого колокола. Того, который мы услышали в лесу.

— Ложного?

— Коренник сказал, что для срока настоящий тот звон, за которым мы пошли. — Тавр поморщился, словно каждое воспоминание двигало ушиб внутри черепа. — В полдень двенадцатого дня госпожа Вея должна стоять на мосту. Так было сказано в свадебной грамоте. Лес услышал грамоту, когда писарь читал её вслух у белого камня. Он сказал: до назначенного полудня удержание оплачивается умениями. Потом договор потребует смотрителя.

Снаружи кто-то ударил ведром о камень. Левор подождал, пока шум стихнет.

— Повтори его слова точно.

Тавр закрыл глаза.

— «За каждого удержанного — одно живое умение, доказанное делом». Потом госпожа спросила, что будет, если мы не заплатим. Он ответил: «Когда двенадцатый полдень пройдёт, дорога получит следующего смотрителя, а удержанные останутся подходящей платой».

— Следующего, — повторил Левор.

— Да.

— Не нового?

— Следующего. Писарь тоже переспросил. Коренник сказал, что в договоре нет слова «новый».

Мелд поднял голову от бинтов. Даже он понял разницу. Новый смотритель мог быть кем угодно, кого назначат. Следующий уже существовал где-то в порядке, установленном заранее.

— Что значит «удержанные останутся подходящей платой»? — спросил Левор.

— Не знаю. Госпожа спросила, умрём ли мы. Коренник ответил, что смерть не названа договором. Потом деревья раздвинулись, и мы увидели три дороги. Люди пошли в разные стороны. Я побежал за передней повозкой, а дальше помню ольху.

— Сколько людей было живо, когда дороги разделились?

— Все. Тридцать один.

— Теперь в лесу тридцать.

Тавр повернул к нему голову.

— Вы вывели только меня?

— Пока тебя.

В глазах возницы появилось чувство, которое Левор слишком хорошо знал по людям, спасённым с тонущей лодки: благодарность, смешанная со стыдом перед теми, кто остался. Тавр сжал край одеяла.

— Я не просил первым.

— Лес не спрашивал очередь.

— Там девочка из кухни. Лет двенадцать. Она сидела в задней телеге.

— Я знаю, сколько там людей.

— Вы не знаете их.

Это было справедливо и оттого неприятно. Для Левора в лесу оставались тридцать человек, которых следовало вывести. Для Тавра — поварёнок с обожжённым запястьем, писарь, державший грамоту, княжна Вея, конюхи, стражники, знакомые голоса.

— Назовёшь каждого, — сказал Левор. — Когда Мелд позволит. Имя, возраст, ремесло, где находился в обозе и что умеет. Всё, что помнишь.

— Зачем ремесло?

— Потому что лес берёт умения, а не серебро. Надо понимать, что он может потребовать и кто способен вывести другого.

Мелд сунул Тавру под язык щепоть толчёной травы.

— Разговор окончен.

— Ещё одно, — сказал Левор. — Коренник назвал, как выбирается следующий смотритель?

Тавр покачал головой.

— Он сказал: «Как записано». Писарь хотел достать копию договора, но его сумка осталась в повозке.

Левор встал. Пол под ногами едва заметно дрожал от воды, бившей в мостовые быки.

Как записано.

Он тридцать семь лет жил над доской, на которой это было записано, и ни разу не видел причины прочесть её целиком.

Саян ждал под навесом с двумя кружками холодного настоя. Его перевязанная ладонь покоилась на колене. Перед ним на перевёрнутом ящике лежала рабочая книжка: уровень воды, направление ветра и ход сорвавшейся лодки были записаны мелким ровным почерком.

— Двенадцать дней, — сказал Левор.

Саян протянул ему кружку.

— Я слышал через стену.

— Подслушивал раненого?

— Стена из одной доски. Чтобы не слышать, пришлось бы уйти в Ретву.

— В лесу осталось тридцать. За каждого отдельное умение. После срока дорога получит следующего смотрителя.

Саян перестал крутить кружку в пальцах.

— Следующего после вас?

— Это и выясним.

Они посмотрели на тёмную доску под крышей. Она тянулась вдоль внутренней балки от лаунской стойки почти до середины пролёта. Первые строки были открыты, вырезанные крупно и просто. Дальше дерево уходило под железную накладку шириной в ладонь. Накладку

поставили ещё при отце Левора, после того как край доски начал коробиться от речного тумана. Так ему объясняли.

Левор принёс фонари, отвёртку, молоток и банку рыбьего жира. Саян взял лестницу.

— Сначала список, — сказал он.

— Какой список?

— Тех, кто может стать следующим. Вы, я, прежний смотритель, если договор считает мёртвых, назначенный князьями человек, старший мостовой мастер Лауна, старший мостовой мастер Ретвы.

— Мёртвых договор не поставит на мост.

— Почему?

— Потому что не поставит.

— Убедительная буква закона.

Левор поставил лестницу резче, чем требовалось.

— Записывай, если тебе спокойнее. Но гадать будем после чтения.

Ученик раскрыл книжку на чистой странице. Он не спорил, однако Левор видел, что первым именем тот вывел его самого. Вторым — своё.

Под навес вошёл ретвинский десятник. За его спиной маячил лаунский распорядитель, вернувшийся без жёлтого плаща и потому выглядевший ещё более недовольным.

— Ворота должны быть открыты для гонцов, — сказал десятник.

— Нет.

— У меня приказ наместника Ретвы.

— А у леса тридцать заложников и договор со сроком. Ваш гонец может вернуться той же дорогой, какой приехал.

Распорядитель шагнул вперёд.

— Госпожа Вея должна выйти первой. Лаун предоставит любую плату.

— Умение нельзя выгрузить из казённого сундука.

— Найдутся люди.

— Добровольные?

Распорядитель отвёл взгляд на доску.

— Их обязанность будет оценена.

— Тогда оцените её после того, как сами покажете лесу подходящее умение.

Десятник усмехнулся, но тут же перестал, когда Левор повернулся к нему.

— И Ретва не поведёт через Заворот ни одного человека, пока я не узнаю, что именно выбирает следующего смотрителя. Оба княжества получат одинаковую запись слов Тавра. До этого ваши люди охраняют ворота снаружи и не трогают мостовую доску.

— Это государственная дорога, — сказал десятник.

— Поэтому она сегодня закрыта для государственных глупостей.

Левор дождался, пока оба уйдут. Саян смотрел в книжку, скрывая улыбку.

— Не записывай это в донесение.

— Уже записал.

Открытая часть договора была знакома им обоим. Левор очистил буквы щёткой, смоченной жиром, и прочёл вслух:

— «Мост держит дорогу между двумя берегами. Смотритель держит мост в годности, отмечает проходящих, закрывает путь при воде, огне и ложном зове. Лес держит сошедших с Межевой дороги, пока за каждого не будет названо и доказано живое умение».

Саян сверял слова с собственной копией.

— Дальше у меня: «Умение переходит лесу без возврата, память о нём остаётся отдавшему».

— Это под накладкой.

— Отец заставлял переписывать.

Левор тоже помнил строку, хотя давно не смотрел на неё. В детстве слова казались ему старой страшилкой, полезной лишь затем, чтобы мальчишки не бегали за блуждающими огнями. Позже договор стал частью службы, такой же привычной, как журнал проезда и зимняя смазка ворота. Он знал правила действия, но не задавался вопросом, зачем железо закрывает именно середину.

Накладку держали восемь винтов. Первые два поддались после масла. Третий оказался сорван. Саян поднялся на лестницу, поставил отвёртку под углом и тихо ударил молотком.

— Не расколи доску, — сказал Левор.

— Если будете говорить это после каждого удара, рука станет вернее.

— Твоя перевязанная рука и без того должна быть вернее.

Саян сменил хват. Винт взвизгнул и повернулся на четверть.

Когда сняли шестой, из-под железа потянуло сырой землёй. Не ржавчиной и не старым деревом — свежей почвой после лопаты. Левор поднёс фонарь. В щели блестел тонкий корень.

— Не трогай, — сказал он.

Корень шевельнулся сам и втянулся под накладку.

Они сняли железо вдвоём. Оно оказалось тяжелее, чем выглядело, и едва не соскользнуло в воду. Под ним открылись четыре строки, потемневшие не от времени, а словно от дыма. Буквы первой совпадали с Саяновой копией.

— «Умение переходит лесу без возврата, память о нём остаётся отдавшему», — прочёл Левор. — «Плата принимается только названная, показанная делом и отданная без удержания части, скрытой в названии».

— Поэтому вы отдельно сохранили зрение и память, — сказал Саян.

— Поэтому Коренник позволил их сохранить. Он мог счесть чтение воды всем сразу.

Следующая строка была вырезана мельче:

— «Пока смотритель исполняет службу, лес не требует его жизни за проход и не назначает другого».

Левор почувствовал, как холод от мокрой рубахи снова добрался до спины, хотя одежда давно высохла.

— Значит, назначение другого возможно, — сказал Саян.

— Если смотритель не исполняет службу.

— Вы исполняете.

— Пока да.

— Вы закрыли мост, пошли в лес, отдали умение и вывели человека. Если это не служба, пусть договор объяснит лучше.

Левор провёл пальцем под буквами. Дерево было холодным, но не мокрым. Последняя видимая строка уходила под вторую, более узкую полосу железа, которую прежде скрывала большая накладка. Эта полоса не была защитой от сырости. Она пересекала доску поперёк, точно заплата, и держалась на двух кованых гвоздях с расплющенными шляпками.

Над ней можно было разобрать только начало:

— «Если двенадцать дней удержания пройдут… дорога получает следующего смотрителя…»

Ниже буквы исчезали под железом.

Саян посветил сбоку.

— Тут есть ещё слово. После «получает».

— «Следующего».

— Нет, перед ним. Край буквы похож на «с».

Левор достал тонкий нож и вычистил грязь из реза, не касаясь железа.

— «Себе», — прочёл он. — «Дорога получает себе следующего смотрителя».

— Не лес?

— Дорога.

Это было хуже и лучше сразу. Коренник не мог выбрать смотрителя по собственной прихоти, если носителем права называлась дорога. Но дорога была не человеком, с которым можно спорить. Она состояла из моста, насыпи, камней, следов колёс, княжеских грамот и тысяч решений тех, кто проходил по ней.

— Снимем малую полосу, — сказал Саян.

Левор осмотрел гвозди. На одном сохранились две неглубокие насечки. Отец ставил такой знак на крепеже, который нельзя вынимать без подготовки: две насечки означали, что деталь держит не только себя.

— Не сейчас.

— Там ответ.

— Там может быть трещина. Выдернем гвоздь — расколем строку.

— У нас двенадцать дней.

— Уже меньше.

— Тем более.

Левор спустился с лестницы и взял фонарь. Ему не нравилось, что Саян стоял рядом с закрытой строкой и требовал открыть её. Не нравилось собственное желание отослать ученика под любым предлогом. Оно возникло раньше мысли и потому было опаснее честного страха.

— Сначала сделаем снимок букв, — сказал он. — Воск, бумага, боковой свет. Проверим, не связана ли полоса с обратной стороной балки. Потом вынем по одному гвоздю, удерживая доску струбцинами.

— До утра?

— До утра подготовим.

Саян слез. В рабочей книжке он дописал к списку: «Дорога выбирает по скрытой строке». Затем поставил вопрос рядом со своим именем.

Левор сделал вид, что не заметил.

Снаружи стемнело. На обоих берегах горели костры. Стражники княжеств стояли у разных ворот и следили не за лесом, а друг за другом. Задержанные путники улеглись под телегами. В караулке Тавр спал, и Мелд не позволил больше его тревожить.

Левор вынес на настил счётную доску. Тридцать одна зарубка уже была на ней — столько назвал Коренник. Первую он перечеркнул углём.

Осталось тридцать.

Он разделил чистое место на двенадцать частей. Даже если находить по три подходящих умения в день, доказывать их и выводить по три человека, запас оставался ничтожным. Люди устанут. Лес станет точнее в требованиях. Среди удержанных могли быть раненые. А каждое отданное умение оставляло за собой работу, которую кто-то должен был принять. Сегодня Саян принял воду вместо него. Завтра лекарь мог отдать способность вправлять кость, и кто тогда будет лечить спасённых?

— Нельзя считать только выходы, — сказал Саян у него за плечом.

— Ты опять читаешь без приглашения.

— Доска лежит на общем столе.

— Что ещё считать?

— Потери после платы. Если плотник отдаст тесание, он не починит телегу. Если повар отдаст умение различать испорченное мясо, люди отравятся уже здесь. Нам нужны не просто желающие.

— А те, чью работу можно подхватить.

— Или те, кто успеет научить другого до платы.

Левор посмотрел на двенадцать пустых делений. Умение нельзя было перелить из одного человека в другого, как воду из ведра. Но можно было показать движения, объяснить признаки, дать ученику ошибиться под присмотром. Он сам тридцать лет делал это с Саяном — иногда слишком скупо, иногда удерживая последнюю часть, чтобы оставаться нужным.

— Утром соберём людей с обоих берегов, — сказал он. — Каждый, кто предлагает умение, сначала показывает его и называет, кто продолжит работу после потери.

— Княжеские люди захотят выбрать платящих.

— Пусть захотят.

— И потребуют госпожу Вею первой.

— Пусть потребуют.

Саян взял уголёк и рядом с первым днём написал: «Список живых умений».

— А доска?

— До рассвета сделаем струбцины.

— Вы боитесь, что там ваше имя?

Левор хотел ответить привычно: смотритель обязан предполагать худшее. Но вопрос был не о службе.

— Боюсь, что там имя того, кого договор уже выбрал, — сказал он.

— Это может быть одно и то же.

— Может.

В лесу за ретвинскими воротами прозвенел колокол.

Стражники вскочили у костров. Кто-то схватился за меч. Козы дружно подняли головы. Звон был чистым, близким, точно невидимая башня стояла сразу за белёными камнями.

Один удар. Второй. Третий.

Левор считал, пока звон не оборвался на двенадцатом.

Из темноты донёсся голос Коренника:

— Один день начался.

— Первый день начался утром! — крикнул Левор.

— Первый день начался первым звонком, за которым обоз оставил дорогу.

— Тогда он уже идёт.

— Да.

— Сколько осталось до двенадцатого полудня?

Ветки за воротами качнулись без ветра.

— Одиннадцать дней, шестнадцать часов и столько времени, сколько вода идёт от третьего быка до чёрного камня.

Саян посмотрел на Вырь. Левор не мог больше прочесть её ход, но ученик мог.

— Около четверти часа, — тихо сказал Саян.

Левор провёл черту через часть первого деления. Двенадцать дней оказались не двенадцатью полными днями работы. Лес уже забрал вечер, пока люди спорили у ворот.

— Коренник! — позвал он. — Кто следующий смотритель?

Ответ пришёл не сразу.

— Тот, кто записан следующим.

— Назови его.

— Смотритель держит договор. Договор держит имя.

— На открытой строке имени нет.

— Значит, строка не открыта.

В лесу стало тихо.

Саян поднял фонарь и посмотрел на малую железную полосу.

— До утра, — напомнил он.

— До утра, — согласился Левор.

Он перечеркнул ещё кусок первого дня и рядом написал крупно: «Тридцать человек». Ни Вею, ни писаря, ни девочку из кухни нельзя было превратить в зарубку, но без числа работа распадалась на страх. Под числом он добавил: «Тридцать умений». Потом, после короткой паузы: «Один следующий смотритель».

Последняя строка выглядела как отдельный долг, хотя Левор пока не знал, кому его придётся платить.

Глава 4. Ученик на строке

До рассвета Левор успел сделать две струбцины и трижды передумать, как именно снимать малую полосу.

Он выбрал для губок сухой вяз, потому что вяз не крошился под винтом, обернул дерево старым войлоком и проверил прижим на обрезке той же толщины, что договорная доска. Саян молча крутил вороток левой рукой. Правая ладонь у него всё ещё была перевязана после сосны, и белая ткань понемногу серела от угольной пыли.

За воротами по очереди кричали лаунский распорядитель и ретвинский десятник. Один требовал пустить гонца к наместнику, второй требовал пустить своего гонца раньше первого. Левор велел обоим писать донесения на одном столе в караулке и отправлять их по реке, если найдётся лодочник, готовый идти против осенней Выри. После этого с берегов стали доноситься не требования, а ругань лодочников.

Заворот молчал. Двенадцать ночных ударов всё ещё стояли в ушах, будто колокол подвесили не среди деревьев, а под черепом.

— Держит, — сказал Саян, проверив первую струбцину.

— Не качай.

— Я проверяю.

— Проверять можно нажимом. Ты качаешь.

Саян убрал руку.

— Когда я стану смотрителем, заведу отдельный журнал: чем проверка отличается от качания.

Левор поднял голову так резко, что ударился затылком о нижний край навеса.

Саян смотрел на винт. Шутка была произнесена ровно, почти лениво, но уголёк в его пальцах переломился.

— Не станешь, — сказал Левор.

— Тогда журнал не понадобится.

Они поставили струбцины по обе стороны малой железной полосы. Договорная доска была врезана в продольную балку, и, чтобы увидеть её обратную сторону, пришлось спуститься под настил. Вырь несла клочья тумана. Там, где вчера Левор безошибочно различил бы по морщинам воды скрытую отмель, сегодня он видел только серое движение. От этого хотелось крепче вцепиться в сваю, хотя лестница стояла надёжно.

С обратной стороны доски обнаружились две деревянные скобы. Они не держали полосу. Они держали тонкий, почти чёрный корень, проложенный вдоль строки и заведённый концами в мостовую балку.

Левор посветил зелёным фонарём. Корень сжался от света, как живая жила.

— Вот что держит гвоздь, — сказал Саян сверху.

— Не гвоздь. Строку.

— Есть разница?

— Железо можно вынуть и вернуть. Слово, которое ушло в балку, — не знаю.

Они поднялись на настил. На востоке небо стало белее речного тумана. У костров ворочались люди, ночевавшие перед закрытым мостом. Пахло мокрой шерстью, дымом и овсяной кашей. У караулки Мелд уже грел воду для Тавра. Ласка, княжеская кобыла, стояла под отдельным навесом и время от времени поворачивала голову к лесу.

Левор принёс из кладовой лист тонкой промасленной бумаги. Сначала они прижали его к открытым буквам и протёрли мягким углём. На бумаге проступили светлые борозды. Там, где строку пересекало железо, Левор осторожно провёл ногтем по краю. Под полосой ощущались два реза, но разобрать буквы было нельзя.

— Теперь воск, — сказал он.

Саян растопил в ковшике кусок свечи, смешал его с рыбьим жиром и вылил на льняную тряпицу. Тёплая ткань легла на доску. Они вдавили её деревянным валиком, дождались, пока воск схватится, и сняли слепок.

На нём обозначилось больше, чем ожидал Левор. Железная полоса скрывала не только продолжение строки. Под ней лежал ещё один ряд мелких букв, втиснутый между старой записью и краем доски. Резчик работал коротким ножом и торопился: окончания слов поднимались, как след хромого человека.

Левор знал этот почерк.

Отец подписывал так счета за дёготь, делал пометки на чертежах и однажды вырезал на ручке Леворова первого тесла: «Не спеши там, где дерево помнит удар». Буква «р» у него всегда выходила с длинной ножкой, а «т» напоминала маленькие ворота.

— Это он, — сказал Левор.

Саян не спросил кто.

Отец поставил большую защитную накладку поверх всей середины договора. Под ней спрятал малую полосу. Малой полосой закрыл дописанную собственноручно строку. А корень пропустил сквозь мост так, чтобы железо нельзя было снять обычным ремонтом.

Не защита от сырости. Тайник.

— Значит, снимал уже после заключения договора, — сказал Саян. — Иначе буквы были бы одного резчика.

— Или дополнял при продлении.

— Договор продлевали?

— Мне об этом не говорили.

Левор снова приложил восковой слепок. Из скрытого ряда можно было разобрать отдельные части: «обуч…», затем «рук… смотр…», дальше край буквы, похожий на «л».

Саян увидел то же. Его лицо не изменилось, только сломанным угольком он больше не писал.

— Лучший обученный рукой смотрителя, — произнёс он.

— Там может быть другое.

— Что именно? «Лучший обручённый рухлядью смотрителя»?

— Там может быть «обучавший», «обучение», «не обученный». Пока железо на месте, мы не знаем.

— Зато знаем, чего вы хотите.

— Чего?

— Чтобы перед словом оказалось «не».

Левор сложил слепок пополам и тут же развернул, заметив, что воск трескается.

— Я хочу прочесть строку, не сломав договор.

— А я хочу, чтобы вы перестали смотреть на меня так, будто уже выбираете место для могилы.

С берега позвал Мелд. Тавр проснулся и вспомнил ещё три имени из обоза. Левор велел записать их в рабочую книжку, но сам не двинулся. Саян тоже остался у доски.

— Тебе надо сменить повязку, — сказал Левор.

— После железа.

— Мелд ждёт.

— Он ждёт Тавра. Моя ладонь не отвалится.

— Это приказ.

Саян посмотрел на него. Так он смотрел редко — не как ученик на мастера и не как младший на старшего, а как взрослый человек на другого взрослого, который выбрал плохую ложь.

— Вы отсылаете меня, чтобы открыть строку без меня.

— Я отсылаю тебя к лекарю.

— Тогда откройте после того, как я вернусь.

Левор мог настоять. По мостовой службе Саян подчинялся ему до тех пор, пока не получит собственный знак мастера. Знак должны были выдать весной, после последней проверки. Левор сам три года откладывал эту проверку: сначала из-за половодья, потом из-за ремонта ретвинской насыпи, затем потому, что Саян недостаточно уверенно различал гниль под смолой. Минувшим летом ученик нашёл скрытую гниль раньше него.

— Иди, — повторил Левор. — Железо останется на месте.

Саян положил на стол уголь и ушёл к караулке.

Левор дождался, пока за ним закроется дверь. Затем вынул нож.

Он не собирался снимать полосу. Только проверить, насколько глубоко корень вошёл под нижний гвоздь. Лезвие коснулось щели, и доска ответила слабым толчком. Не мост дрогнул под телегой — телеги стояли. Толчок прошёл через дерево в пальцы, ровный, как удар пульса.

Из-под железа выступила капля прозрачного сока.

— Ещё раз, — сказал Коренник.

Дух стоял по другую сторону перил.

Ни лестница, ни ворота ему не понадобились. Высокая фигура будто собралась из тумана, коры и мокрых листьев прямо над водой. На плечах Коренника лежал мох, а пальцы были тонкими корнями, переплетёнными вокруг перил. Лица у него не было до тех пор, пока он не говорил. Тогда в коре открывалась щель рта.

Левор убрал нож.

— Что ещё раз?

— Спрячь от обученного слово, которое назначает обученного. Скажи ему, что сохраняешь доску. Скажи себе, что сохраняешь его.

— Ты пришёл помогать читать договор?

— Я пришёл смотреть, как смотритель исполняет его.

— Тогда объясни, что держит малая полоса.

— Малую полосу держат два гвоздя, корень и страх умершего человека.

— Снятие повредит строку?

— Если снимешь неверно.

— Как верно?

— Так, чтобы ни одна часть написанного не была отнята от целого.

Левор сжал рукоять ножа.

— Буквами проще.

— Буквы и были проще. Железо добавили люди.

Коренник провёл корневым пальцем по перилам. Влажный след на дереве сложился в счёт: одна длинная черта и одиннадцать коротких.

— Ты украл половину первого дня, — сказал Левор.

— Обоз сошёл с дороги до полудня. Удержание началось тогда. Тебе было сказано: двенадцать дней удержания.

— Мне не было сказано, когда они начались.

— Ты не спросил.

— Тавр не мог сообщить раньше, пока ты его не отдал.

— Цена выхода не включает удобство счёта.

Левор шагнул ближе.

— Кто станет следующим смотрителем?

— Тот, кто назван строкой.

— Строку дописали после договора. Она действительна?

— Она отдана договору рукой стороны, имевшей право писать за себя.

— Отец не имел права писать за другого человека.

— Он писал, кого дорога получит себе, когда его служба и твоя служба окажутся недостаточны.

Слова легли точно, без угрозы, и оттого стали тяжелее.

— Почему моя служба? — спросил Левор. — Я ничего не дописывал.

— Ты принял мост, доску и обучение следующего. Ты исполнял принятую строку тридцать лет.

— Не зная её.

— Незнание не вынуло гвозди.

Из караулки вышел Саян. Новая повязка на его ладони была чистой. Он увидел Коренника и остановился, но назад не пошёл.

— Спроси его, — сказал дух Левору. — Скажи обученному уйти и спроси, согласен ли он не слышать.

— Ты не будешь говорить с ним.

— Уже говорю.

Саян подошёл к столу.

— Я слышал последнюю часть.

— Как ладонь?

— Мелд велел не держать молоток до вечера. Значит, сегодня молоток держу левой.

Коренник повернул к нему безликую голову.

— Покажи руку.

— Нет, — сказал Левор.

— Он спросил меня, — ответил Саян.

Он протянул перевязанную ладонь. Дух не коснулся её. Один тонкий корень поднялся к белой ткани и застыл на расстоянии ногтя. Под повязкой что-то шевельнулось. Саян вздрогнул и сдёрнул ткань зубами.

Порез от вчерашней работы тянулся поперёк основания большого пальца. Края уже сошлись. Но от раны вверх, к запястью, шла тонкая коричневая черта. Она походила на занозу под кожей, только ветвилась мелкими отростками. Пока они смотрели, один отросток вытянулся ещё на толщину волоса.

Левор схватил Саяна за запястье. Кожа была тёплой, пульс быстрым.

— Когда это появилось?

— Ночью не было. Мелд промывал ладонь.

— Было, — сказал Коренник. — Не стало видимо.

— Убери.

— Я не писал строку.

— Ты держишь её.

— Я держу сошедших с дороги.

Левор поднял нож. Коренник не отступил. Ветки его плеч дрогнули от ветра, но сам он оставался неподвижен.

Саян вывернул руку из Леворовой хватки.

— Ножом метку не снимете.

— Я не собирался резать тебя.

— Очень обнадёживает.

— Закрой рану.

Саян снова обмотал ладонь. Делал он это неловко одной рукой, и Левор потянулся помочь, но ученик отвернулся.

— Если строка назначает меня, почему метка появилась сейчас? — спросил Саян у духа.

— Дорога начала получать следующего.

— Получит через одиннадцать дней?

— Если удержание не завершится и условие не будет исполнено иначе.

— Что значит «получит»?

— Ты станешь смотрителем дороги.

— На какой срок?

— На жизнь.

Саян кивнул, будто услышал меру балки. Только левый большой палец тёр край повязки снова и снова.

— А Левор?

— Нынешний смотритель перестанет быть единственным.

— Живым останется?

— Договор не требует его смерти для назначения тебя.

— Хватит, — сказал Левор.

— Мне решать, хватит ли ответов обо мне.

— Не ему отвечать тебе.

— А кому? Вам? Вы тридцать лет не читали доску.

Эти слова ударили точнее, чем Саян, вероятно, хотел. Левор отпустил нож. Он мог перечислить все случаи, когда большая накладка требовала работы раньше: смену винтов девять лет назад, просушку балки после ледохода, обработку от жука. Каждый раз он видел малую полосу и отцовские насечки. Каждый раз принимал объяснение, которое придумал сам: крепёж держит трещину, под ним слабое место, раз отец закрыл — значит, трогать нельзя.

Он обучал Саяна проверять чужую работу и сам не проверил отцовскую.

Коренник снял пальцы с перил.

— Откройте то, что уже исполняете, — сказал он. — Или оставьте железо и исполняйте вслепую. Для договора оба пути достаточны.

Фигура рассыпалась не сразу. Сначала исчезла щель рта, затем руки стали обычными корнями, перекинутыми через перила, потом туман унёс очертания плеч. На досках остались мокрые листья и счёт из двенадцати черт.

Левор собрал листья и бросил в Вырь.

— Снимаем полосу, — сказал Саян.

— Снимаем.

— Я остаюсь.

— Остаёшься.

Они начали не с гвоздей, а с корня. Левор спустился под настил, Саян лёг животом на доски и светил между балками. Корень нельзя было перерезать: это означало бы отнять часть написанного от целого. Его надо было освободить вместе со скобами.

Первая скоба вышла после четырёх осторожных ударов. Корень тут же утолщился, словно хотел занять освободившееся место. Саян подал льняную ленту, и Левор привязал его к балке выше, не натягивая. Вторую скобу пришлось раскачивать клещами. Когда она поддалась, из отверстия посыпалась не труха, а рыжая земля Заворота.

— Подставь чашку, — сказал Саян.

— Зачем?

— Это часть целого или мусор?

Левор посмотрел на землю. Вопрос был не глупым. Он подставил жестяную чашку и собрал всё до крупинки.

Корень освободился. Они не вынули его из балки, а уложили петлёй вокруг доски, сохранив оба конца там, где те росли. Затем Левор поднялся и затянул струбцины до тех пор, пока войлок плотно не прижался к дереву.

— Теперь гвозди, — сказал он.

Отец не забивал их до шляпки. Между железом и расплющенным краем оставалась щель с волос. Левор ввёл туда раздвоенный конец съёмника. Саян удерживал полосу ладонью поверх деревянной прокладки.

Первый гвоздь вышел на палец и остановился.

Доска застонала.

Не треснула — именно застонала низким человеческим звуком. У костров подняли головы. Ласка ударила копытом в перегородку.

— Держи ровно, — сказал Левор.

— Держу.

Он повернул съёмник на четверть, подложил ещё одну щепку и вытянул гвоздь целиком. Вместе с ним из отверстия вышел белый корешок длиной в ладонь. Левор уложил гвоздь и корешок на восковой слепок.

Второй гвоздь поддался легче. Железная полоса осталась прижатой одной рукой Саяна.

— Снимаем вверх, — сказал Левор. — Не к себе.

— Понимаю.

— Если прилипло, не дёргай.

— Понимаю.

— На три. Один. Два.

На слове «три» они подняли железо.

Под ним не было трещины. Не было гнили, тайного замка или печати. Только две строки, одна старая, вырезанная тем же резчиком, что начало договора, и одна отцовская — мелкая, тесная, почти сердитая.

Левор не стал читать сразу. Он вернул полосу на стол, рядом положил гвозди, корешок и чашку с землёй. Лишь после этого поднёс фонарь.

Старая строка говорила:

«Если двенадцать дней удержания пройдут и удержанные не будут возвращены по принятой цене, дорога получает себе следующего смотрителя из обученных нынешним, дабы служба не пресеклась».

Ни имени. Ни возраста. Любой из обученных.

Ниже отец дописал:

«Следующим признаётся лучший, обученный рукой смотрителя до способности одному удержать мост в годности; из равных — ранее начавший учение».

Левор прочёл дважды. Затем третий раз, проверяя каждое окончание. Слова не менялись.

— Лучший, — сказал Саян.

— Лучший обученный. У меня были другие ученики.

— Которые ушли.

— Горан держит два моста в Лауне.

— Каменных. Он не умеет вести Межевой журнал и ни разу не слышал ложного зова.

— Мара служит на южной дороге.

— Она училась у вас одну зиму и ушла до половодья.

Левор перебирал имена, уже зная ответ. За тридцать лет у него было шестеро учеников. Один погиб на войне. Двое сменили ремесло. Горан стал надсмотрщиком каменных работ и разучился сам держать тесло. Мара хорошо знала дорогу, но не мост. Ещё один, Хвед, уехал за море двенадцать лет назад. Саян пришёл мальчишкой, но теперь был взрослым двадцатисемилетним мастером без знака только потому, что Левор не назначил последнюю проверку.

Способность одному удержать мост в годности он доказал вчера, когда Левор перестал читать воду.

— Метка знает, — сказал Саян.

Левор посмотрел на его перевязанную руку.

— Покажи.

Саян развернул ткань. Коричневая линия дошла до запястья. У края ладони проступил новый отросток, похожий на крошечную букву.

Левор взял чашку с рыбьим жиром и смазал кожу. Метка не побледнела. Он приложил мокрую соль. Саян стиснул зубы, порез побелел, но кора осталась. Тогда Левор прижал к ней серебряную монету, которой проверяли подозрительную гниль: настоящее больное дерево оставляло на серебре тёмный след. Монета почернела по краю.

— Хватит опытов, — сказал Саян и отнял руку.

— Надо знать, дерево это или знак.

— И что изменится?

— Дерево можно вырезать.

— Из ладони, потом из запястья, потом из плеча? Очень удобный способ не стать смотрителем.

Левор вытер монету о рукав.

— Ты им не станешь.

— Вы уже это говорили. Договор не впечатлился.

У лаунского костра снова зашевелились. Распорядитель шёл к мосту, за ним ретвинский десятник и двое писарей. Они заметили снятое железо. Саян быстро накрыл отцовскую строку восковой бумагой.

— Не прячь, — сказал Левор.

— Почему? Вчера вы не хотели показывать даже мне.

— Потому и не прячь.

Он снял бумагу и повернул фонарь так, чтобы буквы были видны подходящим.

Распорядитель прочёл первым. На слове «лучший» его лицо прояснилось, будто обнаружился не обречённый человек, а полезная статья в счёте.

— Значит, переход обеспечен, — сказал он. — Дорога не останется без смотрителя.

Левор шагнул между ним и Саяном.

— Переход не состоится.

— Если обоз не выйдет, договор решит иначе.

— Обоз выйдет.

Ретвинский десятник наклонился к строке.

— Мальчишка совершеннолетний?

— Мне двадцать семь, — сказал Саян.

— Тогда в чём помеха? Служба почётная. Оба княжества назначат содержание.

— Содержание? — переспросил Саян. — Землю, которая не моя, жалованье, которое можно задержать, и право умереть на рабочем месте?

— Не утрируй. Нынешний смотритель прожил здесь достойную жизнь.

Левор услышал, как Саян коротко втянул воздух. Сам он смотрел на десятника и впервые видел мост так, как тот: крыша над головой, исправное жалованье с двух берегов, власть закрывать ворота, место, где один человек нужен всем. Достойная жизнь, если не считать, что её нельзя оставить.

— Никто не будет обсуждать с княжествами цену Саяновой жизни, — сказал он.

— Договор уже обсуждает, — ответил распорядитель. — И если госпожа Вея остаётся в лесу, мы обязаны учитывать все способы сохранить дорогу.

— Сохраните сначала людей. Приведите к третьему камню тех, кто готов добровольно показать полезное умение и потерять его ради конкретного человека. Не тех, кого вы назначили. Не должников. Не солдат по приказу. Каждый называет, что отдаёт, кому это поможет и кто примет его работу после потери.

— Госпожа Вея первой, — сказал распорядитель.

— Имя первого, кому подходит следующая плата, назовёт Коренник по договору. Если умение подходит нескольким, выбирать будем среди них, а не среди титулов.

— Вы ставите возницу выше будущей княгини.

— Я ставлю дорогу выше вашей очереди поклонов.

Десятник усмехнулся.

— А ученика выше дороги.

Левор повернулся к нему.

— Ученика дорога уже пытается сделать своей вещью. Выше этого я ставлю только выход всех тридцати.

— Тридцати? — спросил один из писарей. — Вчера было тридцать один.

— Один вышел. Учёт тоже принесите. Такой, который умеет вычитать.

Десятник ушёл первым. Распорядитель задержался, перечитал строку и посмотрел на коровую метку, которую Саян не успел закрыть повязкой. В его взгляде мелькнул расчёт. Левор запомнил его.

Когда княжеские люди отошли, Саян вернул железную полосу на доску, но не прибил. Поставил у края, чтобы строки оставались открыты.

— Вы сказали: «выше этого я ставлю только выход всех тридцати», — произнёс он.

— Сказал.

— Значит, если придётся выбирать между мной и тридцатью, выберете тридцать?

Левор посмотрел на счётную доску. Одна зарубка была перечёркнута. Тридцать оставались белыми.

Правильный ответ смотрителя был очевиден. Правильный ответ мастера тоже: ученик не принадлежит учителю, но мастер отвечает за то, чему и ради чего обучал. Правильный ответ человека не помещался ни в одну строку.

— Я не дам договору оставить такой выбор единственным, — сказал он.

— Это не ответ.

— Другого сейчас нет.

Саян завязал повязку зубами и левой рукой.

— Тогда не приказывайте мне молчать, пока вы его ищете.

— Не буду.

— И не отсылайте от доски.

— Не буду.

— И назначьте наконец проверку на мастера.

Левор уставился на него.

— Договор выбирает лучшего обученного. Зачем тебе доказывать это ещё яснее?

— Чтобы знак мастера выдал человек, а не кора. Если через одиннадцать дней меня всё-таки поставят здесь на жизнь, я хотя бы войду не вечным учеником.

Левор хотел возразить. Проверка включала работу на воде, замену замка в пролёте, ночное закрытие ворот и самостоятельное решение при ложном зове. На неё требовалось три дня спокойной службы, а спокойных дней у них не осталось.

Но откладывать снова означало бы удержать последнюю часть умения ради собственной нужности.

— После того как выведем троих, — сказал он. — Не раньше. Проверка пойдёт вместе с работой.

— Договорились.

— Это не договор. Условие службы.

— Конечно. Договоры у нас пишут на дереве и прячут под железом.

Саян взял рабочую книжку и пошёл к людям, которых уже собирали у третьего камня. Их было больше двух десятков: лодочник, две швеи, старуха с корзиной трав, печник, пастух, трое стражников, повар с обожжёнными руками и лекарь Мелд. Между ними ходили писари обоих княжеств, пытаясь переставить людей в удобном порядке.

Левор остался у открытой строки.

Он собрал всё, что сняли: гвозди завернул в промасленную ткань, белый корешок уложил рядом с корнем, землю из чашки вернул в отверстия. Малую полосу закрепил двумя деревянными клиньями выше текста, не закрывая букв. Договор был цел, но больше не был спрятан.

На отцовской строке проступил свежий сок. Капля собралась в конце слова «учение», медленно скатилась вниз и упала на настил.

Левор вытер её пальцем.

Под кожей на миг кольнуло, словно вошла заноза. Он осмотрел ладонь — ничего.

У третьего камня Саян поднял перевязанную руку и громко объяснял добровольцам первое правило: нельзя отдавать красивое название вместо настоящего умения. Если человек говорит, что умеет лечить, он должен назвать, что именно способен сделать руками. Если говорит, что умеет строить, — показать какую работу. Если после платы без него рухнет дом, погибнет больной или останутся голодными дети, надо сперва найти того, кто подхватит дело.

Люди слушали его внимательнее, чем накануне слушали обоих наместничьих людей.

Лучший обученный рукой смотрителя.

Отец выбрал эти слова, чтобы служба не пресеклась. Возможно, он видел в них спасение моста. Возможно, думал, что лучший ученик всегда захочет занять место мастера. Возможно, однажды намеревался объяснить, но умер прежде. Ни одно «возможно» не меняло коричневой черты под Саяновой повязкой.

Левор взял счётную доску и направился к третьему камню.

До следующего удара лесного колокола оставалось меньше дня. В Завороте ждали тридцать человек. На мосту уже начиналась другая борьба: два княжества собирались превратить добровольную плату в повинность, а отмеченного ученика — в удобную страховку дороги.

Левор поставил доску перед писарями.

— Пишем всех по порядку прихода, — сказал он. — Без гербов и чинов. Кто попытается купить место в списке, будет последним.

Распорядитель открыл рот.

Из леса донёсся один короткий удар колокола.

Коричневая метка под Саяновой повязкой дёрнулась, точно услышала своё имя.

Глава 5. Два княжества

К третьему камню людей выстроили в две очереди.

Левор отошёл к воротам, посмотрел на обе и вернулся. За его спиной лаунский писарь уже ставил на дощечках синие восковые точки, ретвинский — красные. Между очередями оставили проход шириной в телегу, словно добровольные умения собирались досматривать на границе вместе с мешками соли.

— Я сказал по порядку прихода, — напомнил Левор.

— Так и есть, — ответил лаунский распорядитель Вардек. — По порядку прихода с каждого берега.

— Берег у камня один.

— Камень стоит на лаунской стороне.

Ретвинский десятник Орд поставил сапог на выбитую в граните межу.

— На половину, — сказал он. — И люди стоят каждый на своей половине.

Левор снял с крюка моток меловой верёвки, зацепил её за столб и протянул поперёк обеих очередей. Люди расступились. Он щёлкнул верёвкой по мокрым плитам. Белая черта перечеркнула синюю и красную половины.

— Теперь первый тот, чьи носки ближе к черте. Остальные становятся за ним без гербов.

— Госпожа Вея — наследница Лауна и будущая жена ретвинского князя, — произнёс Вардек терпеливо, как человеку, который не расслышал с первого раза. — Её спасение одинаково нужно обоим берегам. Следовательно, первым принимается умение, подходящее для её выхода.

— Следовательно, — подхватил Орд, — первыми идут ретвинские люди, потому что свадьба совершается в Ретве и вся дорога после моста лежит по нашей земле.

— Хорошо, — сказал Левор. — Вы уже не согласны. Значит, ни один из вас не получает первого места.

Саян рядом кашлянул в кулак. Возможно, прятал смешок. Коровая метка под его повязкой снова дёрнулась при последнем ударе лесного колокола, но выше запястья пока не поднялась. Левор велел ему считать пришедших и не давать писарям записывать одно умение разными красивыми словами.

Первой у меловой черты оказалась невысокая женщина с красными от щёлока руками. Она держала под мышкой деревянную лопату.

— Имя, — сказал Саян.

— Нима Коть. Пеку хлеб в Нижних Дворах.

— Что именно умеете?

— Хлеб печь.

— Какой?

Женщина растерялась.

— Всякий.

— Это название, не умение. Покажите дело.

Нима оглянулась на людей за спиной. Ей было неловко, будто её поймали на хвастовстве. Потом она поставила лопату, достала из мешка маленький ком вчерашнего теста и понюхала.

— Закваска перекисла на полдня. Если пустить всю, каравай провалится и будет липнуть к ножу. Я возьму от неё четверть, прибавлю тёплой воды, ржаной муки и толчёного тмина. Через два часа она поднимет новое тесто. По пузырям узнаю, когда ставить. По запаху — хватит ли жара. По нижней корке — когда печь выметена рано.

Саян записал: «вывести живую закваску и испечь хлеб в печи с незнакомым жаром».

— Кого хотите вернуть?

— Племянника. Ждана. Он ехал при обозе конюхом.

Левор посмотрел на лес. Между елями висел сырой белый свет. Коренник не показывался.

— Чем это умение поможет Ждану выйти?

Нима сжала лопату.

— Он мой племянник. Разве мало?

— Для человека не мало. Для договора — мало. Плата должна быть нужна тому, кого лес возвращает, или дороге его выхода.

— В обозе люди голодны уже второй день.

— Это может подойти повару, если тот должен накормить остальных. Может — человеку, застрявшему у печи или зернового амбара. Но Ждан умеет ходить за конями. Лес возьмёт вашу выпечку и выведет того, кому она отвечает, а не того, кого вы любите.

Нима побледнела.

— Значит, я потеряю хлеб и не увижу Ждана?

— Если примем плату вслепую — возможно.

Вардек шагнул к ней и заговорил мягче, чем с Левором:

— Добрая женщина, госпожа Вея отвечает за весь обоз. Помогая ей, вы помогаете и племяннику. Княжеский двор возместит вам потерю.

— Как? — спросила Нима.

— Назначит содержание.

— А печь?

— Наймёте помощницу.

— Кто станет наниматься к пекарю, который не умеет печь?

Вардек моргнул. В его мире содержание, должно быть, само месило тесто, грело печь и вставало до рассвета.

Левор велел Ниме отойти к навесу, но не уходить. Её умение было настоящим, доказанным и, вероятно, нужным кому-то из тридцати. Брать его до встречи с Коренником он не собирался.

Следом подошёл ретвинский пастух. Он умел принимать трудных ягнят и выкармливать их без овцы. За ним — лаунский лодочник, способный в темноте поставить лодку поперёк течения одним веслом. Потом швея показала, как по рваному краю определить натяжение ткани и подобрать шов, который не расползётся под грузом.

Каждого Вардек спрашивал, согласен ли тот послужить спасению княжны. Каждого Орд спрашивал, состоит ли тот в ретвинском подданстве. Оба писаря делали пометки, хотя Саян велел писать только имя, умение, человека на замену и последствия потери.

На седьмом добровольце Левор отнял у писарей дощечки.

Под синим воском стояло: «пригоден к высшей плате». Под красным: «может быть принят в счёт дорожной повинности».

— Кто велел вам считать умение повинностью?

Орд не отвёл взгляда.

— Княжеская дорога держится на повинностях. Кто не может выйти чинить настил, даёт лошадь. Кто не может дать лошадь, даёт серебро. Теперь требуется другое имущество.

— Умение не имущество.

— Его можно отдать, получить и оценить. Что же это ещё?

Левор протянул дощечку Саяну.

— Сломай.

Саян переломил её о колено. Красная половина упала в грязь.

— Это дорожный список, — сказал Орд.

— Нет. Дорожный список у меня. Там балки, гвозди, масло, верёвки и люди, которые за работу получают плату. Человеческая рука в расходниках не числится.

— Человек остаётся цел.

— Возница Тавр тоже остался цел. Только больше не умеет удерживать упряжь при заносе. Посадите его на козлы — и узнаете цену этой целости в первом овраге.

Тавр услышал своё имя от костра. Он сидел с перевязанным боком и пытался завязать ремень на своей сумке. Пальцы помнили, куда пропустить конец, но всякий раз затягивали узел слабо. Наконец он бросил ремень и прижал ладонь к глазам.

Люди в очередях смотрели на него. Несколько человек отступили.

Вардек нахмурился:

— Вы пугаете добровольцев.

— Я показываю им плату.

— Если перечислять каждый дурной исход, никто не согласится.

— Тогда никто и не должен соглашаться.

— А тридцать человек в лесу?

Левор не ответил сразу. Этот вопрос Вардек держал как лом: им можно было поддеть любое возражение. В лесу действительно оставались тридцать. Каждая лишняя минута шла против них. Но если спешка превращала плату в сбор с тех, кто не умел защищаться, мост спасал одних за счёт медленного разорения других.

— Мы не откажемся от платы, — сказал Левор. — Мы узнаем, какая нужна, и возьмём её у того, кто понимает, как будет жить после.

— Договор не требует этого.

— Договор требует добровольца.

— На доске нет этого слова, — возразил Вардек.

— На большой доске — есть. «По принятой цене». Коренник не принимает руку, которую привели связаной. Вчера он спрашивал меня перед всей дорогой.

Орд усмехнулся.

— Вас не связывали. Вас только поставили перед выбором между вашим умением и раненым.

— Именно поэтому я знаю разницу между выбором и приказом.

С лаунского берега послышался стук колёс. К мосту ехали две крытые повозки под охраной. На первой лежали мешки с крупой и солью; во второй сидели люди в одинаковых серых накидках. Восемь женщин, трое мужчин и мальчик лет пятнадцати. Они не разговаривали. На запястьях у каждого была синяя нитка дворового работника.

Вардек заметил, куда смотрит Левор.

— Запас для лагеря и добровольцы из окрестных поместий.

— Кто из них пришёл сам?

— Их старосты предложили помощь.

— Я спросил не про старост.

Повозка остановилась. Женщина у края скамьи прижимала к груди деревянную гребёнку. Стражник велел всем выходить. Мальчик спрыгнул последним и едва не упал: одна нога у него была короче, сапог подбит толстой деревянной подошвой.

— Имена и умения, — велел Вардек.

Никто не заговорил.

Стражник ткнул гребёнку в руках женщины.

— Скажи смотрителю.

— Я чешу лён, — произнесла она.

— Умеешь готовить волокно без узлов, — поправил стражник. — Для тонкого полотна.

— Для тонкого полотна, — повторила женщина.

Левор подошёл ближе.

— Кого вы хотите вывести?

Она посмотрела на Вардека, потом на стражника.

— Госпожу нашу.

— Как её зовут?

— Госпожа Вея.

— Вы её видели?

Женщина сжала гребёнку.

— На весеннем проезде.

— Почему именно ваше умение поможет ей выйти?

Вардек вмешался:

— Тонкое полотно необходимо для перевязок. В обозе есть раненые. К тому же госпожа покровительствует ткацким дворам.

— Пусть она ответит.

— Она не обязана знать устройство договора.

— Зато обязана знать, хочет ли перестать делать то, чем кормится.

Женщина опустила глаза. За ней старик в серой накидке тихо сказал:

— Не хочет.

Стражник повернулся к нему.

— Молчи, Дорн.

— Не хочет, — повторил старик громче. — У неё две дочери на прядении. Без её льна их мастер не возьмёт.

— А ты? — спросил Левор.

— Я ставлю печные своды. Поставил двадцать четыре. Староста сказал: отдам — перестану ходить по деревням, дадут место при складе.

— Кто даст?

Старик кивнул на Вардека.

— Его милость обещал.

— Я не давал личных обещаний, — холодно сказал Вардек. — Поместья получат возмещение за каждого полезного добровольца и сами распорядятся людьми.

Старик засмеялся без веселья.

— Вот и место при складе.

Левор велел всем двенадцати вернуться в повозку. Стражники не двинулись.

— Эти люди предоставлены княжеской властью, — сказал Вардек.

— Мост закрыт моей властью.

— До середины. На лаунском подъезде распоряжаюсь я.

— Тогда держите их на подъезде. К третьему камню не пущу.

— Вы ставите упрямство выше жизни Веи.

— Вы ставите Веино имя между собой и теми, кого привезли платить.

Вардек побледнел. У него было узкое спокойное лицо человека, привыкшего побеждать не криком, а формулировкой. Теперь формулировка не нашлась.

С ретвинского берега ответил новый стук. Орд обернулся слишком поздно. По дороге шли двенадцать солдат, ведя пятерых мужчин на одной длинной верёвке. На мужчинах были тюремные куртки с вывернутыми карманами.

Левор посмотрел на десятника.

— Это тоже добровольцы?

— Осуждённые могут заменить часть срока службой дороге.

— Им предложили отказаться?

— Им предложили выбор: остаток срока или передача умения. Каждый согласился.

— Сколько лет у первого?

— Что?

— Остаток срока.

Писарь сверился с листом.

— Девять.

— А последнему?

— Повешение через четыре дня, — сказал Орд. — Его согласие особенно ясно.

Мужчина на конце верёвки поднял голову. Ему было около сорока. На щеке тянулся старый ожог. Он смотрел не на лес и не на мост, а на Саянову перевязанную руку.

— Что умеешь? — спросил Левор.

— Делать замки, — ответил тот.

— Вскрывать, — поправил Орд.

— И делать. Хороший замок надо сперва уметь открыть без ключа, иначе не поймёшь, где он слаб.

— Кого хочешь вывести?

— Себя с верёвки.

Орд дёрнул повод.

— Отвечай как велено.

— Кого велено? Княжну? Пусть будет княжну. Я её не знаю. Если лес возьмёт мои руки и выпустит её, меня всё равно повесят, только я не сумею снять собственные кандалы. Очень чистая выгода для княжества.

Саян перестал писать.

— Его умение настоящее, — сказал он Левору. — Но согласия нет.

— Есть подпись, — возразил ретвинский писарь.

Он показал лист. Под пятью именами стояли кресты.

— Крест ставили свободной рукой? — спросил Левор.

— Достаточно засвидетельствованного знака.

— Для вашего суда. Не для леса.

Орд подошёл вплотную.

— У вас нет времени проверять чистоту каждой души. Через одиннадцать дней дорога получит нового смотрителя. Может быть, ваш ученик предпочёл бы один приказ пятидесяти правильным разговорам.

Саян поднял перевязанную ладонь.

— Мой ответ вы тоже хотите засвидетельствовать крестом?

— Твой ответ уже стоит на доске.

Левор шагнул между ними.

— Уведите людей.

— Нет.

Это «нет» прозвучало негромко, но солдаты одновременно взялись за древки копий. Лаунские стражники у повозки тоже подобрались. На одном мокром пятачке встретились две княжеские власти, и каждая привела тех, кем готова была заплатить. Добровольцы у навеса отступили к перилам. Тавр попытался подняться и застонал от боли в боку.

Левор увидел, как легко всё может закончиться: толчок, копьё, кровь на договорной доске. Потом один берег обвинит другой, мост закроют уже не от леса, а от людей, и тридцать заблудившихся станут поводом для новой войны вместо свадебного мира.

Он вытащил из скобы сигнальный молот и ударил по воротной цепи три раза.

Звон прошёл по настилу. Оба шлагбаума упали. Железные зубья вошли в гнёзда. Солдаты оказались каждый на своём подъезде, а третий камень — внутри закрытого моста вместе с Левором, Саяном и настоящими добровольцами.

— По договору мостовая стража закрывает проход при угрозе настилу, — сказал Левор. — Двадцать вооружённых людей, спорящих на старом пролёте, — угроза. Пока копья не сложены в десяти саженях от ворот, никто не войдёт.

— Ты не удержишь оба княжества, — сказал Орд через решётку.

— Мне не надо. Достаточно удержать цепь.

Коренник вышел из леса без звука.

Сначала Левор принял его за сырой ствол у обочины. Потом ствол разогнул плечи, отделил ноги от корней и шагнул на дорогу. На его груди тянулись строки договора, не вырезанные, а выросшие более светлой корой. Лицо оставалось почти человеческим, если не смотреть на рот: вместо губ там расходилась трещина.

Все разговоры стихли.

Коренник дошёл до лаунской повозки. Женщина с гребёнкой попятилась. Дух не коснулся её. Он наклонился, понюхал гребёнку и сказал:

— Умение готовить лён принято для возвращения той, чья дорога связана узлом полотна.

Женщина вскрикнула. Гребёнка выпала из рук.

— Не принято, — сказал Левор.

Коренник повернул голову.

— Названо вслух. Показано орудием. Требуемое существует.

— Она не предложила его.

— Её доставили к стороне договора.

— Доставили не значит предложила.

Трещина-рот раскрылась.

— Смотритель спорит о слове, которого нет.

Левор почувствовал холод под рёбрами. Вардек был прав в одном: на большой доске не стояло слова «добровольно». Обычай требовал вопроса и согласия, но обычай мог быть только отцовским способом не превращать плату в грабёж. Коренник соблюдал букву, а буква, возможно, позволяла принять любое умение, показанное у моста.

Женщина подняла руки. Пальцы дрожали.

— Я не даю, — сказала она. — Слышишь? Не даю.

Коренник смотрел на Левора.

— Цена названа.

— Цена названа другим человеком, — ответил Левор. — Стражник назвал её умение. Вардек назвал того, кого хочет вернуть. Она повторяла под приказом. Кто из них платит?

Коренник замер.

Ветер прошёл по его плечам шелестом сухих листьев.

— Платит владеющий умением.

— Тогда он должен совершить действие платы. Иначе я могу назвать умение Вардека считать чужие руки расходом и отдать его вместо своего.

У навеса кто-то коротко фыркнул. Вардек дёрнул щекой.

— Плата совершается передачей, — произнёс Коренник.

— Передать можно только то, что держишь сам. Она держит своё умение и говорит, что не передаёт.

Дух повернулся к женщине.

— Передаёшь ли ты умение готовить лён без узлов для возвращения удержанного дорогой?

— Нет.

Слово прозвучало тихо. Потом женщина повторила:

— Нет.

Светлые строки на груди Коренника потемнели и снова проявились.

— Цена не передана.

Левор медленно выдохнул.

Саян раскрыл рабочую книжку и крупно записал новую строку. Коренник увидел движение.

— Писать можно только существующее, — сказал дух.

— Существующее и пишем, — ответил Саян. — Передачу совершает владеющий. Без его действия цена только названа.

— Это не новая строка договора.

— Нет. Это значение старой. Вы сами его произнесли.

Коренник подошёл к решётке. Орд отступил на шаг, хотя между ними лежал опущенный шлагбаум. Дух осмотрел связанных мужчин.

— Их умения названы?

— Нет, — быстро сказал Левор.

Мужчина с ожогом усмехнулся.

— Моё названо. Я умею делать замки.

— Передаёшь ли?

Он посмотрел на Орда. Потом на верёвку, связывавшую пятерых.

— Если мне снимут приговор и отпустят всех пятерых сейчас, передам.

Орд побагровел.

— Ты не можешь ставить условия княжескому суду.

— А лесу могу. Он хотя бы спрашивает.

Коренник наклонил голову.

— Условная передача не совершена до исполнения условия.

— Слышал? — спросил заключённый. — Даже дерево понимает.

Левору не понравилась радость в его голосе. Не потому, что тот торговался за жизнь, а потому, что каждое найденное толкование могло обернуться новым способом купить умение у отчаявшегося. Сегодня свобода за замки, завтра хлеб за лекарское ремесло, потом чужая жизнь за право не стать смотрителем. Добровольность сама по себе не делала цену справедливой.

— Уведите их, — повторил он Орду. — Иначе мост останется закрытым.

— Ты сорвёшь свадьбу и мирный договор.

— Свадьбу уже сорвал Заворот. Я пытаюсь вернуть людей.

— Пытаешься медленно.

— Зато не строю дорогу из тех, кого легче заставить.

Вардек подошёл к решётке с другой стороны.

— Чего ты хочешь, смотритель?

— Списка всех тридцати: имя, ремесло, где их видели в обозе перед входом, что было в каждой повозке. Отдельно — раненые и дети. Еды на три дня для лагеря. Четыре пустые палатки тем, кто потеряет заработок. И письменное обязательство обоих княжеств содержать каждого плательщика до тех пор, пока он не освоит другое дело или не получит постоянную работу.

— Ты не можешь назначать расходы казне.

— Тогда ищите добровольцев среди тех, кому расходов не жалко. Начните с себя.

Вардек посмотрел на Коренника и промолчал.

Орд спросил:

— А если нужное умение есть только у бедняка?

— Бедность не делает его умение общим.

— А если без него погибнет княжна?

— Тогда тот, кто просит плату, объяснит всё бедняку и примет его ответ. Не староста, не судья и не вы.

— Отказ тоже погубит человека.

— Да.

Это слово далось тяжелее всех предыдущих. Левор видел Ниму у навеса, видел Тавра, тщетно затягивающего ремень, видел коровую черту на руке Саяна. Нельзя было обещать, что честный выбор спасёт каждого. Можно было только не прятать цену и не делать слабого виноватым за отказ.

Коренник повернулся к лесу.

— Среди удержанных есть та, чья дорога связана узлом полотна, — сказал он. — Есть тот, чья дорога лежит через хлеб. Есть ребёнок, чья рука вышла из плечевого гнезда. До следующего удара можно принять одну цену.

— Почему одну? — спросил Левор.

— После первого выхода дорога сменилась. Каждый выход меняет путь следующего. Две цены сразу назовут дорогу, которой ещё нет.

Идна, врачевательница из очереди, резко подняла голову. До сих пор она стояла за печником и держала кожаную сумку обеими руками. Ей было лет сорок, на висках серебрилась первая седина.

— Ребёнок жив? — спросила она.

— Пока рука болит, жив.

— Сколько ему лет?

— Договор не считает годы, если плательщик не назвал их частью цены.

Идна шагнула к меловой черте.

— Я умею вправлять плечо.

Левор поднял ладонь.

— Не сейчас. Сначала покажете, что именно отдаёте, и назовёте, кто будет принимать ваших больных после.

— Пока мы считаем моих больных, тот ребёнок может потерять руку.

— А после платы ваши больные могут потерять свои.

— Поэтому считать надо быстро, а не не считать вовсе.

Она говорила без дрожи. Не как женщина у повозки, повторявшая чужую фразу, и не как заключённый, торговавшийся с петлёй. Идна уже приняла решение, но требовала от Левора не мешать ей видеть всю его тяжесть.

— Мелд умеет вправлять плечо? — спросил он.

Старый лекарь у костра помотал головой.

— Простое — да. С разрывом и у ребёнка — нет. Идна училась у костоправа в Речном посаде.

— Другого позовём?

— До утра никто не доберётся.

Идна раскрыла сумку и вынула полотняную куклу с пришитыми деревянными руками. На одной руке шарнир был нарочно выведен из выемки.

— Я покажу. Потом вы спросите меня при всех. Но сначала эти повозки и верёвки уйдут. Иначе моё «да» поставят рядом с их крестами и скажут, что разницы нет.

Левор посмотрел на Вардека и Орда.

— Вы слышали условие плательщика.

— Она не княжеская сторона, чтобы ставить условия, — сказал Вардек.

Коренник обернулся.

— Условная передача не совершена до исполнения условия, — повторил он тем же ровным голосом.

На этот раз засмеялись многие.

Вардек сжал губы и велел повозке разворачиваться. Женщина с гребёнкой не села внутрь. Она осталась у дороги рядом со стариком-печником. Остальные дворовые один за другим тоже отошли от скамей.

— Мы вернёмся пешком, — сказала она стражнику.

Орд сопротивлялся дольше. Наконец приказал снять общую верёвку, но солдатам велел увести заключённых обратно под отдельной охраной. Мужчина с ожогом, проходя мимо решётки, сказал Левору:

— Замки всё ещё могу отдать. За пятерых.

— Сначала добейся цены у тех, кто держит ключи.

— А потом у леса?

— Потом узнаем, кому в обозе нужны именно твои замки.

Когда оба подъезда освободились от копий, Левор поднял шлагбаумы. Саян занёс в рабочую книжку двенадцать имён тех, кто остался по своей воле. Синюю и красную дощечки он бросил в печную корзину.

Вардек и Орд стояли по разные стороны меловой линии, одинаково недовольные и впервые одинаково полезные: их писари начали составлять общий список обоза. Сведения не совпадали уже в первых строках. Лаунцы считали двух служанок частью свиты Веи, ретвинцы — наёмными людьми возниц. Одного музыканта не записал никто.

Левор велел считать людей, а не принадлежность.

Идна села на перевёрнутое ведро и положила куклу на колени.

— Плечо держат не только кости, — сказала она Саяну. — Если тянуть за кисть, как делают на ярмарках, можно порвать больше, чем вправить. Сначала я проверяю пальцы: тепло, цвет, чувствуют ли укол. Потом локоть. Потом веду головку к гнезду не силой, а положением тела.

Она показывала медленно. Саян записывал. Левор смотрел на её руки и понимал, что завтра они могут помнить каждое движение и не суметь повторить ни одного.

У него самого вода уже стала такой: память без верного движения. Река шумела под досками, но больше ничего не говорила.

Коренник остановился у входа в лес.

— До следующего удара, — напомнил он.

— Мы придём, — ответил Левор.

— С одной ценой.

— С одной добровольно переданной ценой.

Дух не повторил новое слово. Только коснулся пальцем светлой строки у себя на груди, будто проверял, не выросла ли она там сама.

Потом вошёл между елями и исчез.

Саян закрыл книжку.

— Вы выиграли спор.

— Нет. Мы нашли, кто должен произнести глагол.

— Для княжеских писарей это и есть проигрыш.

Левор посмотрел на Вардека и Орда. Они уже спорили, за чей счёт ставить палатки и считать ли обучение новому ремеслу частью содержания. По крайней мере теперь спорили о цене для плательщиков, а не о том, чьи бедные руки пойдут первыми.

Идна вправила деревянное плечо куклы. Раздался сухой щелчок.

Под повязкой Саяна коровая метка поднялась ещё на ширину ногтя.

До нового удара лесного колокола оставалось меньше часа.

Глава 6. Плата лекаря

Идна показала вправление плеча четыре раза.

Первый раз — медленно, называя каждое движение. Второй — молча, чтобы Саян записал не слова, а порядок рук. Третий — с закрытыми глазами. На четвёртый она велела Мелду сбить деревянный шарнир куклы в сторону и завернуть руку в рукав, как будет у настоящего ребёнка.

— Не ищи красивого щелчка, — сказала она. — Если головка встала на место тихо, это не значит, что работа хуже. И не тяни, когда тело сопротивляется. Сначала дай мышцам устать.

— Сколько ждать? — спросил Саян.

— Пока больной перестанет ждать боли от тебя. Иногда пять вдохов. Иногда сорок. С ребёнком дольше.

Левор стоял рядом со счётной доской. До лесного удара оставалось, по его расчёту, сорок минут. За это время надо было проверить Иднино решение, подготовить выход и не превратить осторожность в удобную причину ничего не делать.

— Кто заменит тебя у больных? — спросил он.

— Никто полностью. Мелд возьмёт простые вывихи. Сложные будут везти в Речной посад.

— Это два дня дороги.

— Летом полтора. Зимой три.

— Кто оплатит телегу?

Идна посмотрела через плечо на Вардека и Орда. Писари сидели за одним столом, но чернильницы держали по разные стороны.

— Вот это они сейчас и напишут.

Вардек поднял голову.

— Мы ещё не согласовали содержание.

— Тогда я ещё не передала цену, — ответила Идна.

Коренника у опушки не было, но его собственная фраза осталась среди людей и работала не хуже запора на воротах: условная передача не совершена до исполнения условия.

Орд провёл пальцем по общему списку.

— Ретва оплатит половину поездок пострадавшим на ретвинском берегу.

— А если больной из Лауна вывихнет плечо на вашей дороге? — спросил Саян.

— Тогда по месту жительства.

— А если живёт на мосту?

— На мосту никто не живёт, кроме службы.

Левор кашлянул.

— Я живу.

— Ты сторона договора, — сказал Орд, словно это отменяло плечи.

Идна забрала у Саяна книжку и сама написала на чистом листе: «Оба княжества оплачивают доставку любого больного от Межевого моста до ближайшего лекаря, умеющего вправлять сложные вывихи, пока на мосту не будет обучен новый человек». Ниже оставила место для двух печатей.

— Не содержание на всю жизнь, — сказала она. — Не золотой дом. Телега, возница и плата лекарю за ту работу, которую сегодня потеряю я. Срок — пока кто-нибудь не обучится. Если не хотите платить долго, быстрее найдёте ученика.

— Ты не можешь знать, что потеряешь именно всё умение, — заметил Вардек. — Возможно, останется достаточно для обычных случаев.

— Поэтому ты подпишешь так, будто не останется ничего.

— Казна не принимает обязательства на основании возможного ущерба.

Идна протянула ему куклу.

— Тогда вправь.

Вардек не взял.

— Я не лекарь.

— Вот и казна не лекарь. Не ей решать, какая часть руки мне понадобится завтра.

Левор заметил, как несколько добровольцев у навеса одобрительно закивали. Вардек тоже заметил. Он прочёл запись, внёс два уточнения: «подтверждённого лекарем» и «по дорожной расценке», затем прижал к воску лаунскую печать. Орд поставил ретвинскую после него.

— Теперь спросите, — сказала Идна Левору.

Он не торопился. Вчера Коренник спросил его один раз, и этого хватило, чтобы река стала немой. Левор помнил, как легко произнёс «отдаю», пока Тавр истекал кровью в корнях. После вопроса не будет пробного шага.

— Назови цену полностью.

Идна положила куклу на стол.

— Я передаю Завороту умение распознавать вывих плеча руками и зрением, безопасно возвращать сустав в гнездо у ребёнка или взрослого и проверять после вправления кровь, чувствительность и движение. Не передаю знание трав, швов, ожогов, лихорадки и перевязок. Не передаю память об учёбе. Цена предназначена для ребёнка из свадебного обоза, чья рука вышла из плечевого гнезда.

— Почему отдаёшь?

— Потому что знаю, что с ним будет без помощи.

— Тебя заставили княжества, староста, долг или угроза наказания?

— Нет.

— Тебе обещали деньги за согласие?

— Оплату последствий, а не согласия.

— Можешь отказаться сейчас?

Идна посмотрела на лес. В лице её наконец показался страх. До этого он жил только в том, как плотно она держала сумку.

— Могу, — сказала она. — Но не откажусь.

— Тогда идём.

Саян потянулся за верёвкой и фонарём.

— Ты остаёшься, — сказал Левор.

Лицо ученика закрылось.

— Мы договорились.

— Мы договорились не отсылать тебя от доски. Сейчас я не отсылаю. Я оставляю тебя держать мост.

— Потому что метка?

— Потому что один смотритель входит, другой остаётся у ворот. Это правило было до метки.

— Вчера вы вошли один.

— Вчера ты не был готов закрыть за мной лесную створку. Сегодня готов.

Саян посмотрел на связку ключей у Левора. В ней был длинный чёрный ключ от лесных ворот — тот, который ученик получал только на проверке мастера.

Левор снял ключ и вложил ему в здоровую ладонь.

— Первый выход из трёх, — сказал он. — Отметь время входа. Если через один удар не вернёмся, закрываешь створку. Если услышишь мой голос из леса до того, как увидишь лицо, не открываешь. Если увидишь меня без Идны и ребёнка, спрашиваешь, что лежит под третьей ступенью дома.

— Камень с дырой, две медные шайбы и мышиное гнездо.

— Это ты не должен был знать.

— Вы сами велели прошлой осенью менять ступень.

— Тогда спросишь, что лежало до ремонта.

— Ничего. Поэтому ступень и провалилась.

Левор вздохнул.

— Придумай свой вопрос.

— Уже придумал.

Саян надел ключ на шею. Кора под повязкой шевельнулась, но не поползла выше.

Идна выбрала из сумки две широкие ленты, масло, складную шину и мешочек сушёной мяты. Мелд хотел дать ей маковый настой, однако она отказалась.

— Не знаю, сколько ребёнок уже пил и ел. Уснёт в лесу — потащим мешком. Мята хотя бы не спрячет дыхание.

Они перешли мост до лесной створки. Саян открыл её чёрным ключом. За решёткой дорога шла прямо всего двадцать шагов, потом загибалась между елями и возвращалась в том же месте, если входящий не был назван договором.

Коренник ждал за поворотом.

— Цена передаётся? — спросил он.

— Передаётся владельцем, — ответил Левор. — Для ребёнка с вывихнутым плечом.

— Владелец назвал границы?

Идна повторила цену слово в слово. На словах о памяти Коренник провёл пальцем по собственной руке, будто отыскивал сустав под корой.

— Память останется. Рука не исполнит.

— Зрение распознает? — спросила Идна.

— Ты назвала распознавание руками и зрением.

Она закрыла глаза на миг. Левор понял, что она надеялась сохранить хотя бы взгляд врача, который замечает вывих среди ушибов.

— Принимаю, — сказала Идна.

— Не ты принимаешь, — поправил Коренник. — Ты передаёшь.

— Передаю.

Лесной колокол ударил.

Звук пришёл не сверху и не издали. Он возник внутри Леворовой груди, качнул рёбра и ушёл в землю. Идна согнулась, прижав руки к животу. Из её пальцев вышел бледный свет — не дым и не огонь, а повторение движений. Светлые кисти легли на невидимое плечо, поддержали локоть, повернули, выждали и мягко свели сустав. Движение повторилось ещё раз, уже выше, между ветвями. Ели дрогнули. Один молодой ствол наклонил ветку, подхватил другую в развилку и вернул её на место без треска.

Идна распрямилась.

— Всё? — спросила она.

Коренник протянул ей деревянную куклу, хотя Левор не видел, чтобы дух брал её со стола. Шарнир снова был выбит.

— Проверь.

Идна привычно взяла игрушечную руку. Большой палец лёг у выемки, другая ладонь поддержала локоть. Она начала движение и остановилась.

— Не туда, — прошептала она.

Попробовала иначе. Деревянная рука выскользнула и повисла на полотняной ленте.

— Я знаю, — сказала Идна. — Вот головка. Вот гнездо. Надо привести отсюда сюда.

Она повела руку прямо. Шарнир упёрся в край и не вошёл.

— Память остаётся, — произнёс Коренник.

Идна сунула куклу Левору.

— Убери.

Левор спрятал её в мешок. Он хотел сказать, что она может передумать, но момент передумывания уже прошёл. Лес принял цену сразу, не оставив даже времени попрощаться с собственными руками.

Дорога перед ними изменилась. Ели разошлись, открывая узкую тропу из корней. На влажной земле лежали белые лепестки свадебных цветов. Через каждые десять шагов лепестки собирались в маленькое плечо: круглый цветок и отогнутый в сторону стебель.

— Коренник любит объяснять после того, как уже понял, — сказал Левор.

— Был бы плохим лекарем, — ответила Идна. Голос её оставался ровным, но правую руку она держала прижатой к боку.

Они пошли за лепестками. Лес не был тёмным. Напротив, между стволами стоял ровный серый день, будто над ними не росли кроны. Издалека доносились голоса обоза: кто-то звал лошадь, кто-то ругался из-за воды, плакал ребёнок. Звуки приходили с разных сторон и всякий раз стихали, стоило повернуть к ним.

— Не отвечай, — предупредил Левор.

— Я знаю правила Заворота.

— Знать и услышать знакомого — разное.

— У меня там нет знакомых.

Слева между елями женский голос позвал:

— Идна, помоги. Плечо.

Врачевательница сбилась с шага.

— Теперь есть, — сказал Левор.

Она зло посмотрела на него, но пошла дальше.

Тропа привела к маленькой поляне, где стояла перевёрнутая свадебная повозка. Колёса вращались, хотя ветра не было. Под навесом из оторванной дверцы сидел мальчик лет девяти. Левая рука была привязана к туловищу шарфом. Рядом на коленях стояла молодая служанка и пыталась напоить его из чашки.

— Не подходите! — крикнула она. — Оно возвращается, когда кто-то трогает дорогу.

Из-за повозки высунулась еловая ветка. На конце у неё росли пять тонких отростков, похожих на пальцы. Ветка осторожно потянулась к мальчикову плечу.

Идна шагнула вперёд.

— Стой, — сказал Левор.

— Это моё умение.

— Уже не твоё.

Ветка коснулась шарфа. Мальчик закричал. Служанка ударила по ней чашкой. Ветка отпрянула, но не исчезла.

Коренник стоял у края поляны.

— Цена исполняет назначение, — сказал он.

— Дерево не чувствует человека, — возразила Идна. — Оно дёрнет.

— Передано умение, а не намерение причинить вред.

— Умение без моего решения — это половина работы.

— Решение не было названо ценой.

Идна выругалась вполголоса. Левор запомнил ещё одну дыру: нельзя было отдавать движение и считать, что лес получил осторожность вместе с ним. Буквальная цена отрезала умение по названным границам, но внутри этих границ могла исполнить его своим способом.

— Что нужно сделать? — спросил он.

— Усадить мальчика, поддержать локоть, не дать ему рвануться. Я буду говорить ветке.

— Ты сумеешь понять, правильно ли она делает?

Идна посмотрела на плечо ребёнка. Её глаза скользнули мимо очевидного выступа.

— Нет, — сказала она после паузы. — Я помню, что должна увидеть. Не вижу.

— Тогда кто проверит?

Служанка подняла руку.

— Я видела, как она щупала. До того, как ветка пришла. Пальцы у него тёплые, он ими двигает.

— Как зовут мальчика?

— Рой. Сын поварихи. Она в другой повозке, лес нас разделил.

Левор подошёл к Рою. Под ногами корни шевельнулись, но лепестковая тропа не исчезла.

— Я смотритель моста. Мы выведем тебя. Сначала лес вернёт плечо на место.

— Не надо, — выдохнул мальчик. — Оно уже пробовало.

— Потому что никто не объяснил ему порядок, — сказала Идна. — Теперь объясню.

Она села напротив так, чтобы Рой видел лицо, а не ветку.

— Посмотри на меня. Вдохни, сколько можешь. Потом выдыхай и считай сучки на колесе.

— Там их много.

— Тем лучше. Я тоже считать буду.

Левор разрезал шарф. Рука мальчика осталась прижата к телу. Идна велела служанке держать кисть и всё время спрашивать, чувствует ли Рой пальцы. Сама она не касалась плеча. Её руки лежали на коленях, бесполезные для единственной работы, которую она знала лучше всех вокруг.

— Ветка под локоть, — сказала она. — Не тяни за кисть. Подними до того места, где боль усиливается, и стой.

Еловые пальцы послушались. Рой закричал и попытался вскочить. Левор удержал его за здоровое плечо.

— Стой, — повторила Идна ветке. — Не дальше. Рой, считай.

— Один... два... не могу.

— Можешь ругаться между числами.

Мальчик всхлипнул и назвал сучок третьим.

Идна ждала. Левор видел, как её собственное тело повторяет утраченную работу: плечо подалось вперёд, ладони едва заметно повернулись. Но когда она попыталась поднять руку и помочь ветке, пальцы сложились неправильно.

— Теперь веди локоть к груди, — сказала она. — Медленно. Головку вверх и внутрь. Не дави прямо.

Ветка наклонилась. Из-под корней вышел второй тонкий отросток и лёг на лопатку. Рой зажмурился.

Щелчка не было.

Мальчик перестал кричать.

— Пальцы, — быстро сказала Идна.

Служанка нажала на ноготь и отпустила.

— Розовеет. Рой, чувствуешь?

— Чувствую.

— Пошевели.

Он согнул пальцы.

Идна попросила его чуть отвести локоть. Рой сделал это и удивлённо открыл глаза.

— Не больно.

— Больно ещё будет, — сказала она. — Но по-другому. Руку к телу, шарф выше. Ночью проверять пальцы каждый час.

Еловая ветка отступила. На её отростках появились белые цветы, такие же, как на тропе.

Коренник указал на Роя.

— Удержанный возвращён по принятой цене.

— А служанка? — спросил Левор.

— Для неё цены нет.

— Она выйдет с нами хотя бы до следующего поворота.

— Тогда возвращены будут двое за одну цену.

— Она не удержанный груз. Она помогла исполнить умение.

— Помощь не меняет счёт.

Служанка побледнела. Рой вцепился в её юбку здоровой рукой.

Левор посмотрел на лепестковую тропу. Она уже сворачивалась, цветы втягивались в землю один за другим. Если начать новый спор, путь мог закрыться и для ребёнка.

— Как тебя зовут? — спросил он служанку.

— Тина.

— Где остальные?

— Были за повозкой. Потом дорога повернулась, и все ушли в одну сторону, а мы с Роем остались. Я слышу их каждую ночь.

— Мы вернёмся.

— Все так говорят, когда уходят.

Идна сняла с себя пояс и привязала к дверце повозки.

— Этот не сгниёт до завтра. Сиди здесь. Не иди на голоса. У Роя мать в обозе?

— Да.

— Передадим ей, где ты.

Тина разжала пальцы. Рой заплакал молча, будто стыдился выходить без неё. Левор поднял его на руки. Мальчик оказался тяжёлым и горячим.

— Я сам могу идти.

— Можешь. Но дорога оплачена умением, а не твоими ногами. Не будем проверять, что она думает об этом различии.

Они пошли по исчезающим лепесткам. Идна оглянулась один раз. Левор не стал запрещать. Тина стояла у повозки, держа поднятой руку, пока стволы не закрыли её.

На полпути Рой спросил:

— Это дерево меня вылечило?

— Лекарь, — ответил Левор. — Дерево только повторило её руки.

— А она ещё умеет?

Идна шла рядом.

— Нет, — сказала она сама. — Теперь не умею.

— Из-за меня?

— Ради тебя. Это не одно и то же. И не значит, что ты мне должен.

Мальчик долго молчал. Потом спросил:

— А кто теперь будет лечить?

— Вот хороший вопрос, — сказала Идна. — Его я задам всем на мосту.

У лесной створки Саян ждал с фонарём и рукой на ключе. Он увидел Левора, но не открыл.

— Что вы сказали мне перед входом вместо тайного вопроса? — крикнул он.

Левор остановился. Значит, ученик всё-таки придумал проверку на случай ложного зова.

— Что это первый выход из трёх.

— А я ответил?

— Ничего. Надел ключ на шею.

Саян посмотрел на Идну.

— Что лежало под третьей ступенью до ремонта?

— Понятия не имею, — сказала она. — Но если сейчас не откроешь, я выбью тебе плечо и не сумею вправить.

Саян отпер створку.

На мосту Роя встретили шумом. Писари одновременно вскочили, Вардек спросил о Вее, Орд — о ретвинских людях, Нима — не видели ли Ждана. Левор поставил мальчика на ноги и поднял счётную доску.

— Вышел Рой, сын поварихи из Нижних Дворов. В лесу осталось двадцать девять человек.

— Госпожа Вея жива? — повторил Вардек.

— Не видели.

— Купцы?

— Не видели.

— Тогда что дала эта плата для главной задачи?

Идна повернулась к нему.

— Ребёнка.

— Я не обесцениваю спасение ребёнка. Но твоё умение было редким. Возможно, его следовало сохранить для человека, чьё возвращение вывело бы остальных.

— Он и был человеком, которому оно требовалось.

— Дорога могла предложить другой путь после более важного выхода.

— Более важного для кого?

Вардек не ответил. Идна взяла свою куклу из Леворова мешка и положила на стол. Шарнир всё ещё висел мимо гнезда.

— До леса я могла вправить это с закрытыми глазами. Теперь не могу. Завтра ко мне приведут каменщика с вывихом, послезавтра девочку, упавшую с яблони. Их не будет в вашем свадебном списке. Но цена придёт к ним.

Она протянула Вардеку и Орду подписанный лист.

— Телеги мало. Нужен человек, который обучится вместо меня. Не когда-нибудь после свадьбы. Сейчас.

— Ты сама можешь обучить, раз память осталась, — сказал Орд.

— Могу объяснить. Не могу показать рукой и не увижу ошибку глазами. Ученику нужен тот, кто проверит его на живом человеке.

Мелд подошёл к ней.

— Я знаю простые случаи. Ты знаешь остальное в памяти. Вместе доведём кого-нибудь до Речного посада, там проверят.

— Кого?

Саян поднял рабочую книжку.

— Среди добровольцев есть банщик Край. Он вправлял пальцы и локти после драк, но плечо не берётся. Хотел отдать умение чувствовать жар камня. Если не отдаст его, может учиться у вас.

— Видишь, — сказал Вардек. — Решение уже найдено.

Идна резко захлопнула книжку у него перед носом.

— Решение не «найдено». Края ещё не спросили. Речной лекарь ещё не согласился учить. Кто-то должен платить за дорогу и за дни без работы. Каждый шаг после моей платы — такая же настоящая работа, как сам выход. Если вы будете помнить только спасённого и забывать того, кто отдал, к десятому человеку здесь останутся одни разорённые герои.

Левор взял мел и провёл на счётной доске вторую колонку. В первой стояли имена удержанных. Во второй он написал: «После цены».

Напротив Тавра: «не водит упряжь; нужна другая работа». Напротив себя: «не читает отмели; на воде только с проводником». Напротив Идны: «не вправляет плечо; ученик, проверка, поездки больных».

— Теперь каждый выход считаем дважды, — сказал он. — Кто вернулся. И кто остался жить с потерей.

Саян добавил третью помету: «Тина у перевёрнутой повозки; пояс Идны на дверце».

— А тех, кто остался в лесу, считаем по именам, — сказал он.

Левор перечеркнул вторую из тридцати одной зарубки. Двадцать девять белых линий остались.

Рой сидел у костра, пока Мелд закреплял его руку. Мальчик всё время спрашивал о матери. Никто не знал, где она. Нима дала ему кусок хлеба, но он съел только корку.

Идна попробовала помочь Мелду завязать поддерживающую повязку. Первый узел лег слишком низко. Она распустила. Второй пережал шею. На третьем Мелд мягко отвёл её руки.

— Я сам.

Идна отступила. На её лице не было слёз. Только пустое недоумение человека, которого не пустили в собственный дом.

Левор узнал это чувство. Так он смотрел на Выру после платы: вода текла в двух шагах, привычные признаки лежали на поверхности, а связать их в безопасный путь он не мог.

— Пойдём, — сказал он.

— Куда?

— К списку. Ты знаешь, какие умения нельзя брать без замены. Отмечай их.

— Я только что доказала, что не всё знаю.

— Поэтому и отмечай последствия, а не решай за людей.

Идна посмотрела на вторую колонку и взяла мел.

Под своей строкой она дописала: «Руки помнят желание вмешаться. Не доверять им больного».

Потом перешла к Ниме и спросила, кто встанет к печи, если лес примет хлебное умение. Вопросы стали точнее. Не «как вы будете жить», на что легко ответить «как-нибудь», а кто поднимет закваску завтра, кто повезёт муку, кто заплатит дочерям чесальщицы, кто поведёт лодку ночью.

Вардек и Орд больше не перебивали. Их писари переписывали обязательства начисто.

Саян подошёл к Левору и показал ладонь. Коричневая линия остановилась там же, где была перед входом.

— Не выросла, — сказал он.

— Потому что выход состоялся.

— Или потому что я держал мост.

Левор посмотрел на чёрный ключ у него на шее.

— Это тоже.

— Значит, первый выход засчитан для проверки?

— Засчитан.

Саян не улыбнулся, но плечи у него расправились. Он вернул ключ не сразу. Сначала запер лесную створку, проверил язычок, записал время выхода и только потом снял шнурок.

— Оставь до третьего выхода, — сказал Левор.

— Уверены?

— Нет. Поэтому и оставь.

Со стороны Заворота донёсся шорох. На дальней ели ветви медленно сложились вокруг сломанного сучка, поддержали его и прижали к стволу точно так, как Идна направляла лесную руку у Роева плеча.

Умение уже жило там.

На мосту Идна училась жить без него.

Глава 7. Мост без воды

Временная свая понадобилась к полудню, когда Выра принесла под мост целую сосну.

Дерево шло вершиной вперёд, цепляло воду голыми корнями и на каждом повороте било по берегу, будто искало место, где выбраться. Левор увидел его от дома: серый ствол возник между дождевыми полосами, исчез за каменным мысом и снова показался уже боком. Раньше одного взгляда ему хватило бы понять, пройдёт сосна под третьим пролётом или ляжет поперёк быка. Теперь он видел только воду, дерево и слишком много одинаково убедительных движений.

— Багры к середине! — крикнул он.

Саян уже бежал вдоль перил. Чёрный ключ бил его по груди. За ним двое дорожных рабочих тащили длинные шесты, а писари обоих княжеств спасали бумаги, прижимая их к животам. Добровольцы отступили к шлагбаумам. Только Идна осталась у счётной доски и придержала её, когда ветер взялся за верхний край.

Сосна ударила в третий бык.

Мост ответил низким гулом. Под ногами у Левора дрогнула доска, из соединения у перил выступила тёмная вода. Корни сосны зацепились за старую ледорезную обшивку. Ствол развернуло, и течение прижало его к опорам сразу двух пролётов.

— Не тяните против воды! — закричал Саян рабочим. — Корень поднимайте, вершину отпустите!

Один рабочий уже навалился на багор всем весом. Левор перехватил древко и заставил его отступить. Вместе они подняли комель ровно настолько, чтобы освободить край обшивки. Саян зацепил нижнюю ветвь, дал течению повернуть сосну и вовремя отпустил. Ствол проскрёб сваи, ободрал кору и ушёл под второй пролёт.

На месте удара осталась болтаться доска ледореза. Один кованый хомут лопнул, второй вытянуло из гнезда. Течение подхватило свободный конец и стало бить им по опоре.

Левор лёг животом на настил, просунул голову между балками и посмотрел вниз. Раньше вода показала бы ему силу каждого удара: по завитку пены у сваи, по тому, как дрожит сор у камней, по цвету поднятого со дна песка. Теперь белая пена ничего не говорила. Она была просто пеной.

— Ледорез до ночи не доживёт, — сказал он.

— Основная свая цела, — отозвался Саян рядом. — Обшивку можно снять, пока не оторвала венец.

— Тогда следующий ствол ударит прямо в бык.

— До вечера поставим временную.

Левор поднялся. Такое решение он сам дал бы ученику на проверке: не чинить разбитое на весу, а принять удар отдельной жертвенной сваей выше по течению. Толстый ствол вбивали наклонно, связывали с береговым камнем, и он отводил плавник от моста. Работа простая, если знать, куда именно ставить.

Слово «куда» застряло у Левора во рту.

Он оглянулся на берег. Там уже собрались Вардек и Орд. Для них повреждение моста означало повод снова заговорить о княжеской страже, управлении и праве отдавать приказы. За их спинами ждали люди, готовые платить умениями за удержанных. У Левора оставалось меньше одиннадцати дней, двадцать девять человек в Завороте и ученик с корой под кожей. Он не мог закрыть мост на каждый случай, когда вода переставала ему повиноваться.

— Ставим выше третьего быка, на шесть саженей от левого берега, — сказал он. — Саян, выбери сосну. Прямая, в полтора обхвата, комель без гнили. Рабочие — за воротом.

Саян не двинулся.

— На шесть саженей от берега или от меженной скобы?

Обычный вопрос. Левор сам учил: любая мера без начала хуже отсутствия меры.

— От меженной скобы.

— Там вчера шёл донный песок.

— Вчера вода была ниже.

Саян посмотрел на реку, потом на Левора. Не спорил при людях — ещё одна старая привычка, которую мастер прежде считал уважением, а теперь вдруг увидел как опасность.

— От скобы, — повторил Левор. — Выше по течению на две сажени от оси быка.

Саян кивнул и пошёл за стволом.

Сосну взяли из запаса на ретвинском берегу. Пока рабочие обрубали сучья, Левор размечал верёвку. Он помнил все прежние промеры. Помнил, где весной стояла галька, где в позапрошлом году вымыло яму, где отец однажды потерял железный башмак от сваи. Память лежала перед ним как старый чертёж. Но река не обязана была совпадать с чертежом сегодня.

Он спустился на нижний помост и опустил шест. Дно встретило наконечник мягко. Левор надавил, шест ушёл ещё на ладонь.

Песок, решил он. Плотный слой ниже. Если забить достаточно глубоко, свая удержится.

— Семь локтей до твёрдого, — сказал он писарю, который записывал расход дерева. — Башмак железный, четыре скобы, канат двойной.

Саян стоял на настиле с топором.

— Шест вязнет.

— Верхний песок.

— Он не царапает наконечник.

Левор вытащил шест. На железе была серая жижа. Он провёл по ней пальцем. Ил или размолотая глина — рукой не отличить. Раньше он отличал не рукой. Раньше видел, как вода ложится над дном.

— Забьём пробную жердь, — сказал он.

Это было разумно. Настолько разумно, что никто не услышал в решении его страха.

Жердь вошла на четыре локтя под ударами бабы — тяжёлой колоды, которую поднимали воротом и роняли по направляющим. На пятом локте звук стал глуше. На шестом жердь остановилась.

— Твёрдое, — сказал Левор.

Саян опустился на колено и взялся за торчащий конец. Качнул на себя. Жердь не поддалась. Качнул по течению — и она ушла едва заметно, не больше ногтя.

— Слой держит сверху, — сказал Левор. — Ниже камень.

— Или край старой ямы.

— Проверим сваей.

Саян выпрямился.

— Сваей не проверяют. Сваю ставят, когда проверили.

Рабочие перестали тянуть ворот. Вардек, стоявший на берегу, сразу повернул голову. Левор почувствовал, как у него нагреваются уши.

— Второй выход твоей проверки, Рут, — сказал он. — Ты отвечаешь за установку. Есть возражение — назови решение.

Ученик посмотрел на реку. Кора под повязкой на его левой руке темнела от сырости, но выше не ползла.

— Промерить поперечину тремя жердями. Здесь, на полсажени к берегу и на полсажени к руслу. Потом отпустить щепу от верхнего камня и засечь, куда её прижмёт. Если среднюю жердь качает сильнее боковых, мы попали на срез ямы.

— На это уйдёт час.

— На вытаскивание заваленной сваи уйдёт день.

Левор услышал собственный прежний голос. Так он отвечал отцу, когда тот торопил его перед ледоходом. Тогда отец швырнул ему верёвку и велел доказать. Левор доказал — и потом двадцать семь лет рассказывал ученикам, что мост любит того, кто проверяет.

Сейчас проверка казалась роскошью. В Завороте Тина ждала у перевёрнутой повозки, двадцать восемь других людей ещё не имели даже места на счётной доске, а следующий удар лесного колокола приближался. Но ни одному из них не помог бы мост, разрушенный из-за торопливости смотрителя.

— Делай, — сказал Левор.

Три жерди вошли по-разному. Береговая упёрлась на пятом локте и стояла ровно. Средняя остановилась на шестом, как первая. Русловая провалилась почти на восемь и начала дрожать, едва её отпустили. Щепу пустили от верхнего камня. Она прошла прямо, затем неожиданно завернула к мосту и прилипла к средней жерди.

Саян бросил вторую, потом третью. Все три собрались в одном месте.

— Под водой обратный ход, — сказал рабочий у ворота.

Левор видел щепки. Раньше он заметил бы обратный ход ещё утром. Теперь даже после доказательства течение казалось ему беспорядком.

— Яма, — сказал Саян. — Край под первой жердью. Если вобьём тяжёлую сваю, верх сядет в твёрдое, низ уйдёт в пустоту. Течением её повалит на третий бык.

Именно туда, куда Левор собирался отвести удар.

Вардек сошёл с берега на помост.

— Значит, работа отменяется?

— Переносится на две сажени выше, — ответил Саян.

— Смотритель назвал другое место.

— Смотритель назначил меня ответственным за установку.

— Ученик исправляет смотрителя?

Левор медленно вытер серую грязь с пальцев. Вопрос был задан не из любопытства. Вардек искал трещину, куда можно вставить княжеский клин: если Левор больше не способен держать мост, управление следует передать тому, кого назначит Лаун. Орд искал ту же трещину с другого берега.

— Исправляет, — сказал Левор. — Для этого на мосту двое, а не портрет одного мастера.

— Но договор на вас.

— Договор не заменяет дно.

Орд подошёл ближе.

— Если вы утратили нужное умение, это следует записать не только в вашей колонке. Оба княжества имеют право знать, способен ли смотритель обеспечивать проход.

— Уже записано: «на воде только с проводником».

— С учеником, — уточнил Вардек.

— Сегодня он мой проводник. Завтра им может быть лодочник, рыбак или человек, которого ещё придётся обучить. Не превращайте помощь в новое наследственное право.

Саян дёрнул головой, будто эти слова попали в него сильнее, чем рассчитывал Левор.

— Переставляем направляющие, — сказал он рабочим. — Береговую жердь оставьте меткой края. Остальные вынуть.

На новом месте дно было грубым. Железный наконечник выходил с царапинами, щепа проходила мимо ровной дугой, жердь принимала удар без боковой дрожи. Саян сам назвал расстояние, глубину и наклон. Левор проверил расчёт по старым правилам: жертвенная свая должна была встретить плавник комлем и повернуть его вдоль течения, а не принять всей грудью. Ошибки он не нашёл.

— Начинай, — сказал он.

Сосну подтянули по каткам. На комель надели железный башмак, закрепили его четырьмя скобами и подняли ствол воротом. Канаты застонали. Мокрая вершина прошла над головами, осыпая всех холодными каплями.

— Правый слабее! — командовал Саян. — Не выбирай береговой! Стой. Теперь оба на поллоктя.

Левор держал оттяжку. Руки знали эту работу. Лес забрал у него чтение отмелей, но не силу, не узлы, не чувство натянутого каната. Он мог исполнить приказ ученика точно и без стыда, пока не смотрел на берег, где стояли княжеские писари.

Первый удар бабы посадил сваю на ладонь. Второй — ещё на две. После шестого ствол замер. Саян приложил отвес.

— Верх к мосту на палец.

— Течение выправит, — сказал Левор.

Ученик не ответил. Приложил отвес с другой стороны, посмотрел на оттяжки и велел ослабить русловую.

— Течение не плотник, — сказал он наконец. — Оно выправляет только то, что ему выгодно.

Рабочий усмехнулся. Левор тоже хотел усмехнуться, потому что фразу Саян явно украл у него. Но не смог вспомнить, когда именно говорил её.

После десятого удара свая вошла в плотный слой. Звук изменился: сухой, ясный, будто били по закрытой двери. Саян остановил ворот, проверил наклон и велел крепить поперечную связь к береговому камню.

Течение обошло новый ствол двумя ровными усами пены.

Левор смотрел на них и ничего не понимал.

— Держит? — спросил он тихо.

— Пока да.

— «Пока» — хорошее слово.

— Вы меня за него ругали.

— Потому что ты ставил его вместо расчёта. Сейчас расчёт есть.

Они сняли повреждённую обшивку ледореза. Основная опора действительно осталась цела, только верхний венец получил продольную трещину. Левор разметил две накладки. Саян не вмешивался: дерево мастер ещё читал. Каждый удар тесла ложился туда, куда он хотел.

Когда первая накладка встала на место, сверху закричали. По реке шёл новый плавник — не целое дерево, а спутанный ком ветвей, досок и прошлогоднего камыша. Он двигался быстрее сосны и прямо к третьему быку.

Все замерли.

Ком ударил во временную сваю. Ствол прогнулся, канат к береговому камню натянулся и запел. Ветки развернуло. Большая часть прошла мимо моста, несколько сучьев застряли на верхнем конце, но вода сняла их один за другим.

Свая выпрямилась.

Рабочие закричали от радости. Кто-то хлопнул Саяна по спине. Тот едва удержался на мокром помосте и немедленно обругал поздравлявшего.

Левор поднялся последним. Колени ныли, ладони были в смоле и ржавчине. В прежние годы успешный удар по мосту приносил ему простое удовлетворение: он рассчитал, дерево выдержало, путь открыт. Сейчас между расчётом и деревом стоял другой человек.

Это было правильно. И больно.

На настиле Идна ждала с кружкой горячей воды. Она протянула её Левору, но смотрела на Саяна.

— Рука?

Он размотал повязку. Коричневая метка оставалась чуть выше запястья.

— Не выросла, — сказала Идна.

— Мост удержан, — ответил Саян.

— Проверка тоже, — сказал Левор.

Саян повернулся к нему.

— Вторая часть из трёх?

— Вторая. Выбрал место, доказал расчёт, установил под нагрузкой.

— А ваша ошибка?

Вардек и Орд всё ещё стояли рядом. Левор мог сказать, что решение было предварительным. Мог сослаться на спешку, изменившееся дно, повреждение ледореза. Всё это было правдой и потому годилось для хорошей лжи.

— Я назначил место, не умея больше читать сегодняшнюю воду, — сказал он. — Пробную жердь истолковал в пользу своего решения. Если бы Саян не остановил работу, свая легла бы на мост при первом сильном ударе.

Писари заскрипели перьями.

— Это обязательно писать? — спросил Левор.

Оба ответили одновременно:

— Да.

— Тогда пишите рядом: ученик заметил, проверил и исправил. Не оставляйте одну ошибку без работы, которая её остановила.

Саян смотал промерную верёвку. На лице у него не было торжества.

— Почему вы сразу не дали мне проверять?

— Потому что помнил реку такой, какой она была, и принял память за умение.

— И потому что там стояли они?

Левор посмотрел на княжеских людей.

— И потому что там стояли они.

— На третьей части проверки они тоже будут стоять.

— Значит, мне придётся научиться ошибаться при свидетелях быстрее, чем ты научишься молчать из уважения.

Саян затянул верёвку узлом.

— Я не из уважения молчал.

— А из чего?

— Вы уже отдали умение ради Тавра. Если я при всех скажу, что вы не можете назначить сваю, княжества решат, что мост остался без смотрителя. Потом начнут выбирать нового. А новый уже написан у меня на руке.

Левор понял: ученик защищал не его гордость. Он защищал себя от договора и князей сразу. И пока Левор требовал от него говорить как мастер, Саян считал цену каждого слова.

— Тогда новое правило, — сказал Левор. — На работе ты останавливаешь меня до объяснений, если видишь опасность. Перед князьями объясняем вместе. Твоё молчание не будет доказательством моего права, а моя ошибка — доказательством твоей обязанности занять место.

— Коренник признает такое правило?

— Это правило моста, не договора.

— Пока.

На этот раз Левор усмехнулся.

— Хорошее слово, когда за ним есть работа.

У счётной доски Идна добавила к строке Левора: «Промеры воды проверяет второй человек». Потом подумала и приписала: «Второй человек не становится собственностью первого».

— Это не последствие умения, — заметил Орд.

— Это последствие того, как вы на него смотрите, — ответила она.

С реки донёсся сухой треск. Все обернулись. Временная свая держалась. Треснула всего лишь ветка, зажатая между камнями у берега.

Но в тот же миг со стороны Заворота ударил лесной колокол.

Двадцать девять зарубок на доске будто стали белее. Добровольцы зашевелились, каждый прижал к себе то, чем собирался доказать умение: челнок, хлебную лопату, сапожное шило, рыбацкую сеть. После спасения Роя желающих прибавилось, но теперь Левор знал, что одного желания и названия мало.

Коренник вышел к лесной створке. На его плечах висели новые еловые веточки, сложенные как пальцы лекаря.

— Дорога изменилась, — сказал он. — Принимается следующая цена.

— Какая нужна? — спросил Вардек.

— Нужна тому, кто выйдет.

— Кто может выйти?

Коренник повернул деревянное лицо к мосту.

— Тот, кому исполнит переданное.

Люди заговорили разом. Писари раскрыли списки. Каждый хотел первым назвать полезное, редкое или, наоборот, почти ненужное умение. Коренник слушал их так же, как река слушала дождь: принимал звук и не давал ответа.

Левор положил ладонь на счётную доску.

— По одному, — сказал он. — И сначала покажите, что это умение, а не память о том, как вы однажды что-то сделали.

Саян встал рядом, всё ещё с чёрным ключом на груди.

За их спинами временная свая принимала воду вместо моста. Левор не умел прочесть два белых уса пены у её комля. Зато знал, кто прочёл их верно.

Мост не остался без воды.

Он перестал принадлежать одному взгляду.

Глава 8. Список даров

Первым к столу вышел человек, который умел просыпаться до петухов.

Он назвался Лутом, держал маленькую харчевню на ретвинской дороге и с такой уверенностью положил ладонь на список, будто ранний подъём был ремеслом, отмеченным княжеской печатью.

— Тридцать лет встаю затемно, — сказал он. — Ни разу не проспал тесто, обоз или постояльца. Отдам это.

— Покажи, — велел Коренник.

Лут моргнул.

Лесной дух стоял за закрытой створкой. Новые еловые веточки на его плечах повторяли движения Идны: поддерживали невидимый локоть и мягко поворачивали сустав. Лицо из коры ничего не выражало.

— Как показать подъём, если сейчас день? — спросил Лут.

— Ты назвал умение.

— Оно действует утром.

— Утро было.

Лут оглянулся на писарей, словно те могли выдать ему другое утро по дорожной надобности.

Вардек постучал пером по листу.

— Можно принять свидетельства. Хозяин харчевни нужен людям ежедневно, его привычка доказана годами.

— Тогда это привычка, — сказала Идна. — Он сам так и описал.

— Привычка может быть ценной.

— Может. Но лес спросил об умении.

Лут обиделся.

— Попробуй тридцать лет открывать ставни раньше солнца, потом называй привычкой.

Левор поднял руку, останавливая спор. После удара колокола все заговорили громче, будто следующая цена была последним местом в лодке. За Лутом стояли пекари, лодочники, прачки, два сапожника, старуха с корзиной трав и юноша, уверявший, что умеет не бояться собак. Каждый держал доказательство своей полезности, но не каждый понимал, что лес заберёт не рассказ, а способность.

— Лут, если завтра ты проснёшься после полудня, сумеешь держать харчевню? — спросил Левор.

— Найму мальчишку будить.

— Значит, ранний подъём заменим.

— Я потому и предложил. Нужна цена, которую можно пережить.

— Пережить нужно, — сказала Идна. — Но сначала цена должна кому-то помочь выйти.

Левор повернулся к Кореннику.

— Есть среди удержанных тот, кому нужно проснуться до петухов?

— Петухов в Завороте нет.

— До рассвета?

— Рассвет не приходит к удержанным одинаково.

— Тогда что исполнит его привычка?

— Названное владельцем.

Лут развёл руками.

— Вот. Я назову: просыпаться вовремя.

— Вовремя для чего? — спросил Саян.

Лут открыл рот и закрыл. Вокруг засмеялись, но Саян не улыбался. Он стоял у доски с чёрным ключом на груди и проверял каждую фразу так же, как утром проверял дно тремя жердями.

— Для нужного дела, — сказал Лут наконец.

— Это лес решит, какое дело нужное?

— А кто ещё?

— Тогда ты отдашь не ранний подъём, а право лесу будить тебя ради любого дела, которое он сочтёт нужным.

Лут отдёрнул ладонь от списка.

Коренник наклонил голову.

— Передача не названа точно.

Вардек зачеркнул строку. Левор остановил его.

— Не зачеркивай. Поставь: «не доказано; назначение не названо». Люди должны видеть, почему цена не подошла.

— Список станет длиннее договора.

— Зато никто не решит, что мы отвергли человека из прихоти.

Лут отошёл не к дороге, а в сторону ожидающих. Ранний подъём не приняли, но он не ушёл. Это Левор отметил про себя.

Следующей вышла старуха с травами. Звали её Мора. Она высыпала на стол сухие листья, корни и семена, назвала каждый и без ошибки выбрала из общей кучи горькую траву от жара.

— Умею отличать лечебное от ядовитого, — сказала она. — По виду, запаху и тому, как ломается стебель.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.